



Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Сеятель бурь

«Владимир Свержин»

2005

Свержин В.

Сеятель бурь / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2005 — (Институт экспериментальной истории)

Перед вами – очередное дело «лихой парочки» из Института Экспериментальной Истории – отчаянного Вальдара Камдила и его закадычного друга по прозвищу Лис. Дело о Наполеоне Бонапарте, карьера которого пошла несколько неожиданным путем! Наполеон – генерал российской армии?! Наполеон – спаситель Павла I от рук заговорщиков?! Россия, влекомая воинским гением великого корсиканца, начинает вести по отношению к Европе наступательную политику. В воздухе пахнет большой войной, и Вальдару с Лисом предстоит любой ценой не дать разразиться буре. И это – так, общие черты задания. А каковы же будут подробности и нюансы?!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

*Сеющий ветер пожнет смертоносную бурю.
Что станет жатвой твоей, сеятель бурь?*
Шарль Нодье

Пролог

*... Что вы называете старыми друзьями, друг мой?
Одни из них слишком старые, другие еще не совсем друзья.*
Бернард Шоу

Количество дорогих твидовых пиджаков на квадратную милю аккуратно подстриженной лужайки наводило на мысль, что в Англии по-прежнему нет проблем с выращиванием тонкорунных овец, а стало быть, наш высокочтимый лорд-канцлер может преспокойно восседать на мешке шерсти, открывая заседания Парламента. Темная строгая клетка, делавшая костюмы утонченно-элегантными, сегодня была призвана стереть все различия, ибо в этот ясный весенний день не было ни служащего «Форин-офис»,¹ ни директора банка, ни лорда-мэра, ни камергера двора – были мы, единые и сплоченные выпускники Итонского колледжа одного уже незапамятного года. «Гаудеамус игитур, ювенус цум сумус»² рокотало под сводами зала, помнящего еще прапрадедов нынешних запевал. Сегодня, как много лет назад, каждый из нас, сбросив дома или в кабинете свой официальный имидж, мог вновь ощутить себя частицей старинного мужского братства под названием Итонский колледж.

О, эта великая кузница государственных кадров, из горнила которой явился миру цвет британского общества! О, этот тайный клуб, в котором поколение за поколением вынашивались планы глобального переустройства мира и закладывались краеугольные глыбы будущих головокружительных карьер!.. Так думал я, один из многих, примчавшихся сегодня на зов сигнальной трубы к воротам любимой школы. Думал, с невольной тоской оглядывая пиршественный стол и раскрасневшиеся от выпитого лица тех, кого в последнее время мог видеть лишь на страницах «Таймс» и «Кроникл».

В своих парадных мундирах мы с закадычным другом Джозефом Расселом, XXIII герцогом Бедфордским, смотрелись черными воронами в клетчатой великосветской толпе. Честно говоря, за годы, прошедшие с момента выпуска, это был первый случай моего появления в Итоне. Но когда нынче утром Зеф Рассел ввалился в мою холостяцкую каморку, оглашая ее криком: «Какого черта?! Сегодня юбилей!», что-то ностальгическое кольнуло в сердце, впуская туда полузабытые юношеские воспоминания...

И вот теперь я имел полную возможность расплачиваться за неуместный душевный порыв. За все прошедшие годы я, пожалуй, не вытерпел столько похлопываний по плечу и снисходительных взглядов на мои капитанские погоны. «Оу, – точно говорил каждый подходящий вплотную однокашник, – неужели ты все еще капитан? Ну ничего, брат, всякое бывает. Зайди ко мне на следующей неделе – я созвонюсь, с кем надо...»

– Оу, Уолтер, старина! Сколько лет! Ты все еще капитан? Ну ничего, бывает! – Мэнис Стрикленд, некогда кудрявый юноша, ныне имеющий лоб, перетекающий в затылок, и в прежние годы не отличался тактом. Ныне же с высоты поста заместителя министра финансов он покровительственно поглядывал на обоих записных классных драчунов и не видел ни малейшей необходимости прятать едкую усмешку. – Впрочем, этого следовало ожидать. Хотя, – он словно по пальцам сосчитал звезды на моем погоне и перевел взгляд на знаки различия на

¹ Министерство иностранных дел Британии.

² «Возрадуемся, пока мы молоды» – студенческий гимн.

погоне Рассела, – Зеф уже полковник. В мирное время чинопроизводство командос продвигается медленно. – Мэнис указал на объятую пламенем саламандру на моем мундире. – Первый отряд, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, – старательно глядя поверх головы Стрикленда, проговорил я.

– А мне, честно говоря, больше нравится Беллерофонт.³

Мы с Расселом напряглись, как по щелчку. Историю о Беллерофонте каждый из нас слышал не одну сотню раз.

– Мой прапрапрапрадед Роберт Монтегю был лейтенантом на фрегате «Беллерофонт», который вывозил из Франции самого Наполеона Бонапарта. И можете мне поверить, это злобное чудовище, доставившее столько бед Англии, было раздавлено, сокрушено, словно брокер, проигравшийся на бирже. Он был полным банкротом!

– Мэнис, – увещающе начал XXIII герцог Бедфордский, – ты уже рассказывал эту историю.

– Нет-нет, вы послушайте! – хватая нас за руки, настаивал изрядно подвыпивший финансист. – Он был полным банкротом! Куда девалось его величие, его гонор? Это уже был не покоритель Европы, а толстый корсиканский недомерок в затасканном егерском мундире! Он предлагал моему пращуру сто тысяч фунтов и столько же каждому офицеру корабля, если они возьмут курс на Америку. Вы только представьте себе! Беглый император, разводящий индюшек в каком-нибудь Кентукки. А между тем могло быть и так. Но мой прапрапра...

– Прапрадед, – продолжил Рассел.

– Да, именно он, – утвердительно кивнул неумный рассказчик. – Лейтенант Монтегю был в тот вечер вахтенным офицером. Он вошел к Наполеону и сказал ему: «Сир, императору не зазорно быть пленным. Это поворот судьбы, а она в руке Господней. Но стать беглецом и копать в индюшачьем дерьме (да-да, он так и сказал – индюшачьем дерьме!) недостойно императора».

– Замечательные слова, – не выдержав затянувшегося монолога, оборвал XXIII герцог Бедфордский. – А когда император вернулся с Эльбы, он прислал твоему предку орден Почетного легиона. Замечательная история! Кстати, мы ее уже как-то слышали.

– Да? – Стрикленд наморщил лоб по всей его длине. – Разве?

– Абсолютно точно, – с военной четкостью подтвердил представитель ее величества в Институте Экспериментальной Истории, сотрудниками которого мы оба имели честь состоять. – А сейчас извини. Сам понимаешь, служба! К великому сожалению, мы вынуждены вас покинуть. – Мой друг развел руками, демонстрируя, что наше сожаление никак не меньше той рыбины, которую он вчера поймал, рыбака на берегу Темзы. – Капитан Камдейл, следуйте за мной!

Я, щелкнув каблуками, послушно последовал. Пожалуй, немного было в моей жизни приказов, которые я выполнил бы с такой охотой.

– Проклятие! – в сердцах проговорил я, открывая дверцу расселовского «ягуара».

– Вечер не удался, – констатировал герцог Бедфордский, поворачивая ключ зажигания в замке.

– Пожалуй, – согласился я. – Вино итонского братства безнадежно прокисло. А тут еще этот Стрикленд со своим предком.

– Забудь, – отмахнулся Рассел, – он всегда носит со своим незабвенным предком. А о чем, по-твоему, ему рассказывать? О баталиях в Палате Общин по поводу утряски бюджета на следующий год? А ты, если бы захотел, мог бы поведать этой публике, как был рыцарем Круглого Стола, флигель-адъютантом Екатерины Великой, личным другом Уолтера Рейли и по

³ Беллерофонт – мифологический герой, оседлавший Пегаса. Эмблема воздушно-десантных войск Британии.

совместительству королем Франции. – XXIII герцог Бедфордский просигналил фарами, требуя открыть ворота. – А твои похождения с Наполеоном? Да ни Стрикленду, ни Роберту Монтегю с его «Беллерофонтом» такое даже не снилось.

Я невольно усмехнулся: мне эти похождения тоже не снились.

Глава 1

*Все возвратится на круги свои,
Только вращаются круги сии.*
Андрей Вознесенский

Редкий человек в наше время может с полной ответственностью сказать: «В гробу я видал Вильгельма Завоевателя!» Я могу. А еще я могу описать, как благодаря неосторожно оброненной фразе моего закадычного друга и напарника Сергея Лисиченко по прозвищу Лис в битве при Гастингсе король Гарольд стравил между собой нормандский десант с датскими захватчиками, и лишь когда столкнувшиеся в тумане армии вволю изрубили друг друга, ударил по ним свежим войском.

Впрочем, эту информацию, пока доступную немногим, я с возможной скрупулезностью изложил в отчете и теперь, идя по коридору в кабинет Отпрыска, искренне недоумевал, что могло вызвать столь острый приступ начальственного интереса. Я прикинул дистанцию, отделяющую меня от двери, за которой хранились консервированные громы и замороженные молнии, и снял с пояса старенький «Нокиа». Что и говорить, прибор закрытой связи – вещь куда более совершенная и удобная в обращении, но почему-то в нашем мире Льежская конвенция запрещает его использование. Приходится обходиться банальными мобилками, что, согласитесь, почти возвращение в каменный век. Голос Лиса в трубке звучал, как всегда, энергично и напористо:

– Капитан, шо опять случилось на этом черно-белом свете?

– Пока ничего, – честно признался я. – Просто его премудрое высочество Готтлиб фон Гогенцоллерн потребовал меня пред свои ясны очи, а никаких иных причин для столь несвоевременного интереса, кроме наших с тобой отчетов, я лично не вижу.

– Да ну, расслабься! – обнадежил меня Сергей. – Может, его осенило или уж там озеленило, кто его знает, и он наконец дотумкал, какие мы классные парни. Решил сесть с нами вечерком, выпить, закусить, чтоб все по-людски, мол, заблуждался, был не прав, пелена с глаз обвалилась, узрел и прозрел! В общем, типичное осложнение после гриппа.

– Тогда бы он вызвал нас обоих.

– А, это ж другое дело! Я догадался об его коварном плане! Он выяснил, шо у меня скоро день рождения, буквально месяца через три, и решил сделать маленький, но душевный презент. Ну а так как странную жидкость для керосинок, шо вы именуете уиски, я не употребляю, поскольку не керосинка, то он хочет по буквам записать название благородного напитка, с которого Рассел вчера так насвинячился. Ты уж не подведи – самогон пишется через «о», в смысле «са-мо-гон». – Из трубки в моей руке послышался сдавленное «гы-гы».

– Лис, прекрати, – поморщился я и, рефлексивно оглянувшись на дверь, перешел на шепот. – Лучше скажи, ты в отчете о карте сокровищ острова Авалон, часом, не упомянул?

– Сэр рыцарь! – деланно возмутился Лис. – Я что-то не вдуплил, шо за немытые намеки? Неужто ты считаешь, что духовное прозрение и, опять же, замечательный пейзаж плюс физическая работа на свежем воздухе не стоят тех двух-трех золотых монет, которые я, заметь, для блага дела, получил с одного меркантильного герцога?

– Скажи лучше, трех тысяч.

– Да ну, не придирайся к цифрам! Что я, бухгалтер, что ли? – с укором отозвался Лис. – Темно там было, может, герцог и обсчитался чуток. Сам вон казенную безлимитку палишь – и ничего. Смело гляди в глаза начальству, запоматывал я об этом, с позволения сказать, незначительном эпизоде, когда отчет писал. Всякую глупость в голове носить – она ни в какой шлемак не влезет!

– Спасибо, успокоил, – облегченно вздохнул я.

– Да чуть шо – обращайся, – послышалось из трубки, и связь отключилась.

Итак, с этой стороны опасность, кажется, не грозила. Больше суровым плакальщикам из службы этического надзора придаться, кажется, было не к чему. Вернув телефон на прежнее место, я глубже вдохнул и решительно открыл обитую кожей дверь.

Кабинет Отпрыска мог служить небольшим музеем, когда бы вдруг Институт открыли для посещений любознательной публики. Я покосился на золотую, с перегородчатыми эмалями, фибулу⁴ в аккуратном застекленном ящике на каминной полке. Совсем недавно этот дар византийского императора Константина Мономаха украшал мой пурпурный шелковый плащ. Теперь же ему была уготована роль экспоната в коллекции ученого светила, воссиявшего над нашим беспокойным отделом.

Вернуться из «командировки» без милого сувенира для старины Готлиба почиталось среди оперативников дурным тоном и плохой приметой. Очаровательные безделушки вроде этой или, скажем, портрета шефа работы Эль Греко, как жертвы древним богам, смягчали праведный гнев, непременно возникавший у высокопоставленного начальства по возвращении увенчанных славой героев из сопредельных миров. Да и как не возникнуть праведному гневу, когда люди, живущие по ту сторону камеры перехода, сплошь и рядом ведут себя совсем не так, как означенным начальством планировалось. Ну а нам, понятное дело, приходится импровизировать на ходу. Не всегда удачно и очень редко – в рамках писанных политкорректными теоретиками правил.

Вот и на этот раз лицо Гогенцоллерна было мрачно, морщины на его выпуклом лбу казались траншеями, в каждой из которых засело не меньше роты стрелков. Однако, к моему счастью, он был не один. У камина, картинно облокотясь на розоватый мрамор псевдоантичной колонны, озаряемой языками играющего в очаге пламени, стоял импозантный мужчина немногим старше пятидесяти лет. Он улыбался с приветливой мягкостью профессионального дипломата, в устах которого резкий отказ кажется изысканной похвалой. Впрочем, полагаю, гость нашего шефа был искренне рад меня видеть. Уж я-то его – точно.

– Сэр Джордж Барренс, – недовольно бросил Отпрыск, указывая рукой на стоявшего, – сэр Уолтер Камдейл. Впрочем, помнится, вы знакомы.

Да, мы, конечно же, были знакомы. Пару лет назад, когда я был всего лишь тренером, обучавшим местных кадетов обращению с оружием и рукопашному бою, именно его мне выпало сопровождать из Англии последней трети XVIII века в Санкт-Петербург. Это стало моим боевым крещением в должности институтского оперативника. А лорда Барренса, несомненно, можно было назвать моим крестным.

– Здравствуй, дорогой племянник,⁵ – бархатным голосом царедворца проговорил мой первый наставник в деле придворной интриги, – ты хорошо выглядишь. Откуда сейчас?

– Разбирались с королем Гарольдом, – уклончиво бросил я, косясь на мрачное начальство.

– Вот как! Значит, обратился к древности. Можно сказать, к истокам. А я тебя уже тут заждался! – Лорд Джордж отошел от камина и взял в руки лежавшую перед Отпрыском обтянутую малиновым сафьяном папку. – У тебя ведь, кажется, были приятельские отношения с тем молодым артиллерийским лейтенантом из корпуса Лафайета? Помнишь, с тем самым, который устроил парад в Нью-Йорке?

Вопрос старого интригана звучал небрежно, но, зная, что может таиться под маской безучастности моего доброго знакомого, я не замедлил уточнить:

– Вы имеете в виду Наполеона Бонапарта, сэр?

⁴ Фибула – застежка для плаща.

⁵ См.: Владимир Сержин. «Трехглавый Орел».

Лорд Барренс кивнул слегка удивленно, точно в корпусе волонтеров, сражавшихся за независимость Америки, был один-единственный лейтенант.

– Да-да, конечно, речь именно о нем.

– Не скажу, чтобы мы были особо дружны. Так, считались хорошими приятелями.

– Вот и замечательно, – улынулся Барренс. – Надеюсь, вы успели хорошо изучить этого рыяного корсиканца.

– Мне снова придется отправиться в Америку – Русь Заморскую? – с легким недоумением предположил я. – Но ведь мы с Лисом были расстреляны отрядом генерала Гоу.

– Мой мальчик, – вновь улынулся Барренс, – неужели ты думаешь, что я забыл об этом прискорбном факте? На этот раз тебе не придется присягать на верность Петру III Пугачеву. Но, вероятнее всего, с подвигами рыцарства временно придется распрощаться. Твои знания и умения вновь понадобятся в России.

– Я должен отправиться в Москву к императору Наполеону? – высказал я робкую догадку.

– О нет! – Барренс покачал головой, выдерживая паузу. – Ты должен будешь отправиться в Санкт-Петербург к генерал-поручику русской службы графу Наполеону Бонапартию.

Когда речь идет о дальнем путешествии потомка одного из знатнейших и богатейших родов Европы, пожалуй, вполне уместно вообразить золоченую карету на рессорах, запряженную шестеркой превосходных рысаков, а никак не седло боевого коня. Но камера перехода не рассчитана на транспортировку золоченых карет. Впрочем, и любых других тоже. А потому мне, графу Вальтеру Турну из Цеверша, чье имя в Богемии звучит как звон золотых монет, и моему секретарю и по совместительству управляющему, господину Сергею Лису, пришлось мчать по дороге в столицу Священной Римской империи германского народа верхом, точно простым фельдъегерям. Впрочем, теперь она более известна как столица Австрии, и ничего ни священного, ни римского в ней не осталось уже ко времени воцарения династии Габсбургов.

– Капитан, – придерживая коня, начал Лис, – ты только не подумай чего плохого, но ты б не мог кратенько так, концептуально, поведать, какого рожна от нас здесь требуется?

– Сергей, – я удивленно посмотрел на друга, – ты же вчера вместе со мной был у разработчиков!

– Ну, был, – согласился мой секретарь, считая неразумным отрицать очевидное.

– Своими ушами все слышал!

– На этом бы я, пожалуй, не настаивал, – буркнул Лис. – Главное, не где я был, а каков я был! Вот в чем вопрос, как говорил принц Гамлет, опоздав на похороны собственного шута.

– Но ты же кивал?! – возмутился я.

– Видимость обманчива, – философски заметил мой секретарь. – Я был шо былинка на ветру! После вчерашнего башка плохо держалась. Сам понимаешь, сели с ребятами, отметили благополучное возвращение. Опять же, Вилли, в смысле Завоевателя, помянули, царствие ему небесное.

– Но ты же кивал в тему!

– Ну так не первый год на службе! – Лис попытался гордо расправить плечи. – Могучая закуска отечественного производителя.

– Чего? – уточнил я.

– Производителя, – без тени сомнения отчеканил Сергей.

– Ладно, – я вздохнул, – запоминай. Надеюсь, сейчас у тебя с головой все нормально?

– Все путем. Я ее чувствую.

– Значит, так. – Я пустил коня шагом. – В 1792 году молодой лейтенант французской артиллерии Наполеон Буонапарте вместе с семьей был вынужден бежать с острова Корсика после неудачной попытки захватить цитадель Аяччо. Во Франции нашего старого приятеля ожидал суд за самовольное продление и без того затянувшегося отпуска из полка. Его много-

численные братья и сестры во главе с любимой матушкой ютились на крошечной съемной квартире, живя на еще более скромную пенсию, которой даже при самом воробыином аппетите не хватало и на неделю. Именно в этот момент, когда жизнь казалась безнадежно неудавшейся, а у власти в стране стояла, как мы помним, ненавидимая Наполеоном чернь, он решился, возможно, на отчаянный, но, как показало время, правильный шаг. Придя к российскому послу Апраксину, маленький лейтенант подал его превосходительству прошение о переходе на российскую службу.

В нашем мире тоже случилось нечто подобное, но там, видишь ли, стороны не сошлись в звании. По тамошнему закону Наполеон мог вступить в российскую службу только чином ниже, чем имел во Франции. Закон этот был принят буквально за месяц до неудавшейся попытки Наполеона и перекроил всю историю в известном нам направлении.

Здесь же то ли закон был написан иначе, то ли совсем Буонапарта прижало, но очень скоро он, передав семье большую часть подъемных, направился в далекую Россию, причем на этот раз без великой армии. Как мы с тобой помним, государыня Екатерина всегда жаловала офицеров высоких да статных, а потому худощавый корсиканец, едва достававший до плеча ее лейб-гренадерам в Царском Селе, пришелся не ко двору.

И гнить бы ему в заштатном гарнизоне, когда б на каком-то смотре не попался на глаза графу Панину. Тот по достоинству оценил познания в баллистике юноши с горящим взглядом и странным для избалованного французской речью аристократического уха корсиканским выговором. В результате исторической встречи поручик артиллерии Бонапартий отправился прямым ходом в Гатчину к великому князю Павлу Петровичу и, невзирая на порывистый южный темперамент, сделал недурную карьеру. Смертный час Екатерины он встретил уже капитаном. Затем, блестяще проявив себя в итальянском и альпийском походах Суворова, возвратился в Россию полковником.

– Стоп! – Лис потряс головой. – Капитан, я, конечно, бешено извиняюсь, но с этого момента поподробнее. Если Наполеон на стороне Суворова, то кто ж в лавке остался? В смысле, кто отвечает за Францию?!

– За Францию, как ты выразился, «отвечает» Александр Дюма.

– О, точно! Я думал, это мне вчера с бодунища померещилось. Прикинь, беда какая! И шо, теперь в этом мире не будет «Трех мушкетеров»?

Я оторопел от неожиданного вопроса. Что и говорить, Лис всегда умел глянуть в суть проблемы.

– Надеюсь, будут. – Мои слова звучали не совсем уверенно, но, строго говоря, какая уж тут уверенность. – Видишь ли, речь идет не о писателе Александре Дюма, а о его отце, доблестном генерале. Этот двухметровый гигант, обладающий невероятной силой, прообраз господина Портоса, был живой легендой Якобинской армии. Однако в Париже этого яростного мулата не любили и, как показало время, небезосновательно побаивались. Когда его утомил парижский клуб болтунов, он поднял военную школу, которой в этот момент руководил, и быстро навел в столице порядок, несовместимый с дальнейшими разглагольствованиями записных политиканов. Теперь храбрый и талантливый потомок нормандского маркиза де ла Пайетри и рабыни из Сан-Доминго назвался базилевсом-императором и мнит себя новым Александром Великим. Вот с ним-то здешнему Наполеону и пришлось столкнуться.

– Да... – ошеломленно почесал затылок Лис. – Чудны дела твои, Господи!

– Но это не все, – обнадежил я, не давая другу растечься мыслью о превратностях божьего промысла. – В 1801 году, в марте, когда заговорщики решили положить конец царствованию Павла I, полковник Наполеон был дежурным флигель-адъютантом при особе императора в Михайловском замке. Увидев вооруженную толпу офицеров на плацу перед воротами крепости, он не стал доискиваться причин ночного визита, а, развернув пару шестнадцатифунтовых орудий, плеснул навстречу мятежникам залпом картечи. В результате – золотonosная монар-

шая благодарность, безмерное доверие царя, графский титул, генеральские эполеты и множество замечательных безделушек вроде креста святого Андрея Первозванного, о которых, в сущности, можно и не упоминать.

– Наш пострел везде поспел, – не без гордости проговорил экс-генерал Закревский пугачевского розлива. – А помнишь, как мы с ним в Аппалачах на пум охотились?

– Это был другой, – задумчиво произнес я, вспоминая старого приятеля – беглого кадета Бременской военной школы, дезертировавшего из экспедиции Лаперуза, чтобы лично принять участие в боях за свободу Америки.

– И шо теперь не понравилось нашим хранителям недреманного ока?

Я поднял брови, пытаюсь сформулировать ответ:

– У них есть основания считать, что в данный момент фаворит рыцарственного императора Павла ведет какую-то свою игру. Проще всего предположить, что он сам желает захватить власть, но, честно говоря, каково бы ни было его влияние при дворе, такой поворот мне кажется сомнительным. Все-таки для России граф Бонапартий остается чужеземцем, и хотя ее история знает примеры восшествия на трон иностранцев, они так или иначе были связаны с царствовавшей фамилией. А это...

– Короче, фамилией не вышел. Зато имя хорошо прижилось. Такой замечательный тортик! Буквально – ежедневно по Наполеону в каждую семью! – громогласно провозгласил Лис. – Ладно, если без балды, шо он там не того наиграл?

– Судя по выдержкам из писем, которые вместе с немалыми суммами денег Наполеон посылает своим ненаглядным родственникам во Францию, он вербует сторонников. Каких и для чего – непонятно. Но факт остается фактом, и, как утверждали вчера, генеральское жалование Бонапарта вместе с доходами от его имений куда меньше переводимых во Францию сумм. Пока это все, что есть у нас на руках. Впрочем, бумаги, я надеюсь, мы скоро увидим сами. Как бы то ни было, игра, которую ведет Наполеон, очень интересует наше с тобой руководство. Хорошо еще, если эта очередная финансовая афера или же через нашего с тобой знакомого император Павел решил поддержать тайную оппозицию во Франции. А если нет? В общем, разработчикам необходимо загодя выяснить, что на уме у генерала Бонапартия, чтобы знать, не ждет ли этот мир пришествие императора Наполеона I.

– А если ждет, то как долго оно еще согласно ждать! – поставил жирную точку в моем рассказе не любивший политических длиннот секретарь.

Дорога шла под уклон, что в гористой Австрии обычное явление. Насколько я успел заметить, большинство дорог здесь идет вверх или вниз. Маячившие вдали над кромкой леса отроги заснеженных Альп точно утешали, что это еще не худший вариант езды. Впрочем, слава Богу, карабкаться по горам мы не собирались. Наш путь лежал к голубому Дунаю и его жемчужине, роскошной столице оперных див – Вене. Но пока, увы, до ее залитых солнцем парков и волшебных дворцов оставалось порядка шестидесяти миль. Это если по карте. А учитывая спуски и подъемы, то и все сто.

Запах хвои, висевший над дорогой, напоминал о приближении рождественских праздников. И хотя в наших краях в эту пору еще не витают мечты о подарках Санта Клауса, холодный ветер, обгоняющий пущенных в галоп скакунов, безжалостно гнал одиноких путников в тепло. Забиться куда-нибудь под крышу, к горячему очагу, над которым, шкворча, обжаривается поросенок или хотя бы пара куропаток, а сдобренный пряностями глинтвейн уже готов разгорячить застывшую в жилах кровь.

– До жилья еще две мили телепаться, – словно подслушав мои мысли, бросил в пространство Лис.

– Что? – поворачиваясь к нему, переспросил я.

– Холлабрун. – Сергей указал на верстовой столб с резным указателем. – Если «холл» по-английски значит «дом», то по-нашему это что-то вроде халабуды.

Я усмехнулся столь вольному переводу и поспешил напомнить другу, что здесь пользуются другим языком.

– Один черт, – отмахнулся сообразительный напарник, втягивая морозный воздух. – Надеюсь, толковый постоялый двор у них здесь найдется.

Должно быть, у моего друга какое-то особое чутье на постоянные дворы, таверны, трактиры и прочие места, где наливают и подают закусить. Не было случая, чтобы, потянув воздух носом, приобретшим в ходе жизненных передраг форму латинской буквы «S», он не определил верного направления. Сегодняшний день не стал исключением. Полнощекая хозяйка заведения, носившего романтическое название «Серебряная кружка», расплылась в простодушной улыбке, по достоинству оценив бобровые воротники на плащах вновь прибывших гостей.

– Всегда рады! Господа желают заночевать?

– Господа желают заночевать, отужинать, согреться. – Сергей быстрым взглядом оценил сдобную фигуру трактирщицы. – Ну и, там, побеседовать о возвышенном после всего, упомянутого выше. Фрау все поняла?

– Фройляйн, – кокетливо поправила молодуха, накручивая на палец выбившийся из-под чепца светлый локон.

– И это замечательно. – Лис взглядом указал ей на горевший в глубине залы очаг. – Но беседы при луне катят только после ужина.

Если уж Сергей что-то обещает, то исполняет непременно. Вот и сейчас, насытившись пуляркой с грибами под белым соусом и пропустив чарки три жженки, он раздобыл у хозяйки некое подобие гитары и залился майским соловьем о том, как ноет разбитое сердце, когда предмет любви, ступая по нему, уходит прочь.

– Лис. – Я активизировал закрытую связь. – *Пойми меня правильно, я не собираюсь читать тебе лекции о морали и нравственности, но у нас нет времени для твоих амуров.*

– *Ну шо за дела, Вальдар! Все будет пучком. Утром мы сядем в седла, а амуры, если захотят, полетят следом на собственных слабо окрепших крыльях. А не полетят, то кто им доктор? Кстати, ты, часом, не знаешь, кто доктор у амуров? Насчет же всех прочих, крыльев не имеющих, вроде нас с тобой, я бы порекомендовал присмотреть какие-нибудь путные колеса и на них отправиться покорять Вену.* – Лис из-под ресниц глянул на миловидную трактирщицу, затуманенные глаза которой, подобно белому флагу над крепостными башнями, свидетельствовали о готовности сдаться захватчику без единого выстрела.

– О, ваше сиятельство! – приглушив ладонью струны, перешел на сухую прозу покори-тель доверчивых простушек. – Да вы, я вижу, уже спатоньки хотите. Глазки-то, поди, совсем закрываются. *Капитан, вали на боковую,* – раздалось в моей голове. – *Не видишь, что ли, фройляйн уже рвется из корсета!* Ульрика, солнце мое закатное, готова ли опочивальня для графа? А то ведь у него строгий режим, все по часам. Сама понимаешь, голубая кровь, это тебе не в скатерку высморкаться.

– Один момент, – заверила расторопная Ульрика, с явной неохотой поднимаясь, чтобы проводить высокопоставленного гостя в его свежевymетенные, пропитанные лавандовым маслом покои. – Один малюсенький, крошечный момент.

Как утверждают ученые, поздняя осень – это время, когда женятся самые закоренелые холостяки. Действительно, если ветер, заглушая вой продрогшей волчьей стаи, завывает самым большим и самым голодным волком, если дождь, леденя от собственного холода, отчаянно стучит в окна, умоляя пустить его согреться, если горящие в шандалах свечи не разгоняют мрак, а лишь наводят на мысли о похоронах, – приходит время либо жениться, либо завести собаку. Стояли последние дни ноября, а у меня не было ни жены, ни верного пса.

Я недовольно ворочался в своей нагретой серебряными грелками постели и никак не мог заснуть. Крахмальные простыни все больше сбивались в комок, а сон, еще недавно такой желанный, никак не приходил. Снизу, то ли из зала, то ли из каморки, где находилась спальня

хозяйки, доносился то приглушенный голос Лиса, то грудное похихатывание разбитной трактирщицы, то игривое взвизгивание.

«А некоторые развлекаются! – с досадливой завистью думал я, покрепче зажмуривая глаза. Счет баранов давно уже перевалил за тысячу, и этой виртуальной отарой вполне можно было бы накормить городок, предоставивший нам убежище. Но в тот миг, как вспомнивший о своих обязанностях Морфей примчался на мой затянувшийся зов, с улицы послышался окрик, и в ворота постоянного двора забарабанили. Отметив про себя, что легкокрылый бог сна не пользуется столь приземленными методами проникновения в жилище, я огорченно перевернулся на другой бок, вновь пытаюсь заснуть.

Стук закрываемых ворот доносился уже через дремотную пелену, превращавшую обычные звуки в части разноцветного сна. Шаги по зале и голоса, доносившиеся снизу, и вовсе едва коснулись моего слуха, прежде чем исчезнуть в бездне ушедшего времени.

– *Капитан.* – Голос Лиса на канале связи звучал настороженно.

– *Да вы что, сговорились, что ли?* – неприятно возмутился я. – *Только-только заснул – ты орешь.*

Должно быть, наблюдательный пункт моего друга находился на ложе фройляйн Ульрики, поскольку я отчетливо услышал характерный скрип, когда Лис прижимался ухом к тонкой деревянной перегородке, отделяющей спальню хозяйки от общей залы.

– *Мне, пожалуйста, вина – все равно какого, но только хорошего,* – явственно донесся до меня незнакомый мужской голос. – *А даме – что-нибудь согреться и, конечно же, поесть. Что вы можете подать?*

Судя по голосу, говоривший был мне не знаком ни в малейшей мере, но одно казалось несомненным: неизвестный отвратительно говорил по-немецки.

– *Есть сардели с тушеной капустой, козий сыр...*

– *Лис,* – с плохо скрытым возмущением начал я. – *Ты разбудил меня, чтобы ознакомить с ночным меню заведения твоей подружки?*

– *Вальдар, ты зря не психуй.* – В голосе Лиса сейчас не было слышно обычного ерничества. – *Вникни, перед тем, как Ульрика подошла к гостям принять заказ, та подружка за стеной сказала бой-фраеру на замечательном французском языке, чтобы тот не сомневался, граф Бонапартий примет их с распростертыми объятиями.*

Глава 2

*Здравый смысл приходит благодаря опыту, который появляется
благодаря отсутствию здравого смысла.*

Симон Боливар

Неожиданные встречи всегда наводят на раздумья. Иногда о провидении Господнем, но чаще о том, что случайно, а что нет. Дорога, по которой мы мчались в Вену, была кратчайшей для тех, кто хотел добраться в столицу Австрии из Брно, где находились старинные владения рода Турнов. Конечно, это вовсе не означало, что ею не могут пользоваться прочие иноземцы. Из Франции же в Вену такой путь мог считаться самым что ни на есть окольным. Однако у Лиса были основания полагать, что незнакомцы были французами.

Впрочем, с одной стороны, армии базилевса Александра I уже стояли в землях Богемии, а с другой – множество французских эмигрантов, жаждущих возвращения на трон династии Бурбонов, селились по всей Европе, в том числе и на моей, по версии Института, здешней родине. Наступление воинственного узурпатора могло вновь сорвать их с мест. Или, может быть, ветром дальних странствий на постоянный двор занесло каких-нибудь искателей лучшей жизни, которые, запасшись рекомендательными письмами к влиятельному фавориту российского императора, намерены искать доходное место вдали от объятого воинственным ражем отечества.

На моих губах появилась кривая усмешка: они ничуть не хуже, чем мы с Лисом. Если так, быть может, есть смысл двигаться в Россию совместно. Завтра поутру необходимо будет прощупать, что за птицы залетели в «Серебряную кружку», и если птицы ценные, то обаять их и не отпускать от себя, пока не доберемся до места. Лишние крылья в нашем деле не помеха. Удовлетворенный проделанным анализом ситуации я наконец смежил очи, и ночная тьма сомкнулась надо мной, как вода над брошенным в озеро камнем.

* * *

...Красные драгуны генерала Корнуолиса охватывали левый фланг бригады графа Огинского, напирая и угрожая сбросить наскоро сформированные милиционные части континенталов в холодные воды Онтарио. Удар казачьей сотни в стык между колоннами англичан захлебнулся, встреченный плотным ружейным огнем. Больше резервов не было. И ружейных зарядов, увы, тоже. Блестящие кентуккские стрелки со своими длинными ружьями хороши в огневом бою, но в штыковой атаке от них мало толку. Вместо трех часов мы держались уже почти сутки, а обещанного подкрепления все не было. Сквозь окуляр подзорной трубы я видел, как, в панике бросая оружие, прыгают в воду вчерашние свободные фермеры, и понимал, что при всем желании превратить их беспорядочное бегство в правильное отступление не представляется возможным.

– Капитан. – Голос Лиса во сне звучал гулко, заглушая вопли, доносившиеся с поля битвы. – Надо отходить – в лес англичане не сунутся.

– Отойти – значит пустить врага к Питтсбургу, – упрямо наклонив голову, цедил я.

– А не отойти – значит завалить ему дорогу своими трупами. Как сахар бел, корпус Лафайета еще не все кружева на портянки нашил!..

Мой друг собрался еще развить эту мысль, когда на лесную поляну с гиканьем вынеслось десять упряжек с взятыми на передки «единоногами». Не давая времени, чтобы лучше рассмотреть нежданное уже подкрепление, соскочившие наземь артиллеристы споро подготовили орудия к стрельбе, и спустя минуту все десять стволов изрыгнули гудящую картечь навстречу

смешавшимся драгунам. «Что за храбрец!» – воскликнул я, наблюдая опустошения, раз за разом производимые пушечными залпами...

Картина давно забытого боя отступила, давая место новому видению.

...Юноша с длинными черными волосами, разметающимися по плечам, с горящим взглядом южанина стоял передо мной, пытаюсь утереть пороховую гарь с закопченного лица. Лейтенантские нашивки, наскоро прикрепленные к его некогда белой рубаше с распахнутым воротом, свидетельствовали о совсем недавнем производстве нашего спасителя в офицеры.

– Ваш подвиг заслуживает высокой награды! – с искренним восхищением пожимая руку юному волонтеру, горячо проговорил я.

– Сражаться за свободу – есть высшая награда! – по-мальчишески задорно выпалил мой собеседник. – А воевать под командованием генерала Лафайета для меня высшая честь!

– Сколько же вам лет, друг мой?

– Скоро шестнадцать, – с гордостью сообщил герой. – Но в роду Буонапарте взрослеют рано.

– Вы Буонапарте? – опешив, переспросил я. – Наполеон Буонапарте?!

– Господин генерал, неужели вы слышали обо мне? – в свою очередь не меньше моего поразился юный офицер.

– Доводилось, – как-то нелепо промямлил я, не зная толком, что и сказать. – Не желаете ли перейти под мою команду, скажем, капитаном?

– *Капитан*, – точно эхом раздалось у меня в голове. – *Ты шо, здесь до весны дрыхнуть собрался? Медведь забуревиший, вынь лапу из пасти и спускайся жрать нормальную человеческую пищу.*

Речь генерала Закревского, начальника штаба императора Руси – Америки Заморской Петра III звучала как-то неуместно. Я повернулся было к нему, чтоб сообщить об этом, и лишь тут сообразил, что это уже не сон, а заработавшая мыслесвязь.

– *Что?* – потирая виски и пытаюсь разлепить глаза, пробормотал я.

– *Вставай, все остынет*, – заторопил Лис. – *Опять же, пока Ульрика со служанкой помелись на базар, у нас есть время без лишних ушей почирикать с соседями на их родном французском языке. Потому шо с таким немецким, как у того полуночного гостя, в патриотически настроенных районах местного рейха варезку лучше не открывать.*

– *Резонно*, – согласился я, откидывая стеганое одеяло.

Поздняя осень – не лучшее время для путешествий, а потому постоянный двор был пуст. Из десяти комнат, расположенных на втором его этаже, заняты были едва ли три, считая с той, которая предназначалась для моего спутника. Вероятно, ближе к вечеру сюда могли приплестись окрестные жители пропустить пинту пива или стакан кислого рейнского вина, но сейчас городок едва пробуждался и начинал ежедневный суетливый круговорот, а стало быть, у нас была еще фора, чтобы разобраться с делами.

Лис ждал меня внизу, попивая небольшими глотками ароматно дымящийся кофе из тонкостенной чашечки мейсенского фарфора. Вид у него был вполне довольный, а свежий кофе сам по себе не мог не вызывать зависти.

– Завтрак подан, ваше сиятельство, – с напускной церемонностью громко изрек псевдосекретарь, и я не сомневаюсь, что звонкое «ваше сиятельство» было слышно в каждом уголке постоянного двора. Впрочем, возможно, я переоценивал сладкозвучность феодальных титулов для средневропейского уха начала бурного XIX века. Возможно, наших соседей больше заинтересовало сообщение о завтраке, но едва успел я занять место за столом, как на лестнице, ведущей в обеденную залу, появились ночные гости.

Галантный черноусый мужчина, подставив кончики пальцев под изящную ручку спутницы, сходил по ступенькам чуть впереди, всем видом демонстрируя высочайшее почтение к идущей вслед за ним миловидной особе. Затянутая талия незнакомца и приподнятые вали-

ками плечи его фрака свидетельствовали, что постоялец захолустной придорожной гостиницы внимательно следит за модой и это стоит ему немалых денег. Дорожное платье его дамы также говорило не столько о большом доходе, сколько о крупных расходах. Вошедшая недавно в моду античность была замечательно явлена в складках ее подобранного в груди платья, оттеняющего мягкие изгибы тела француженки. Ее можно было бы назвать весьма хорошенькой: правильный овал лица, чуть припухлые губы, ровный носик и глаза цвета неба над Адриатикой – могли бы остановить взгляд мужчины и удерживать его бесконечно долго. Вот только слегка капризное выражение поджатых губ заставляло насторожиться, да и подозрительный взгляд кавалера, брошенный на нас с Лисом, наводил на мысль, что перед нами отчаянный ревнивец.

Что, интересно, должно было случиться, чтоб такие расфранченные особы пустились вдруг в дальнее странствие, да еще в ту пору года, когда хорошая собака хозяина без нужды из дому не вытащит? Возможно, эта парочка попросту скрывается от кредиторов? Модные парижские портные – короткий путь в долговую яму. Что ж, при случае деньгами можно помочь.

Я невольно улыбнулся, поднимаясь и склоняя голову в приличествующем поклоне:

– Мадам. Мсье.

Лис небрежно повторил мой куртуазный маневр, не забыв при этом сообщить по закрытой связи, что мысль о предстоящем совместном путешествии ему нравится все больше и больше. Правда, он еще не знал о моей идее финансовой помощи, но с этой новостью торопиться не стоило. Отважный и бесшабашно ловкий потомок запорожских казаков, Лис болезненно воспринимал идею безвозмездной передачи денег в недобрые, то есть в любые, кроме собственных, руки. И хотя, подготавливая графа Турна и его управляющего к натурализации, Институт побеспокоился обеспечить высокую платежеспособность агентов, моему другу казалось, что пускаемое в дело золото уходит из его собственного кармана. Гости фройляйн Ульрики заняли место у стола, и расторопный парнишка лет тринадцати, тут же материализовавшийся в шаге от модного франта, не замедлил сообщить, что сломанная коляска будет отремонтирована никак не ранее, чем послезавтра, а потому он рад услужить господину и госпоже и принести им завтрак.

– Сакр дье! – чуть слышно выругался француз и односложно потребовал у слуги. – Нести быстро!

– Прошу прощения, если мой вопрос неуместен, – начал я. – Судя по акценту, вы француз?

– Я из Эльзаса. – Незнакомец метнул на меня подозрительный взгляд.

С тем же успехом он мог бы назваться алжирцем или жителем Луизианы. Парижский выговор его служил если не паспортом, то, уж во всяком случае, визитной карточкой.

– Не доводилось бывать. – Я сокрушенно развел руками. – Должно быть, там очень красиво. – Мое наивное утверждение слегка успокоило напрягшегося светского льва. – Дидро, Вольтер, Корнель, Расин, великая Плеяда – это, быть может, лучшее, что создано человечеством за последние века. Я преклоняюсь перед вашей культурой! У нас в Богемии, знаете ли, не часто встретишь человека, способного отличить Декарта от Декамерона. – Я печально вздохнул. – Увы!

Судя по лицу моего визави, он и сам не был силен ни в энциклопедистах, ни в классической литературе. Но ряд французских фамилий ласкал его ухо, и моя лесть была вознаграждена благодарной улыбкой.

– Да, Франция – великая страна, – наконец вымолвил он.

– Позвольте представиться, – пользуясь случаем завязать беседу, вновь заговорил я. – Граф Вальтер Турн из Цеверша. Мой секретарь – кавалер Сергей Лис.

В глазах французского мелькнула едва заметная тревога, но он справился с ней в считанные мгновения.

– Рене Дювиль, негодичант, – отрекомендовался он. – Моя жена Сюзон.

– Счастлив знакомством, – вновь сладко промурлыкал я. – Вы направляетесь в Вену?

– Почему вы так решили? – скороговоркой выпалил мсье Рене. Хотя что-то мне подсказывало, что он не более Рене, чем я Вальтер.

– Прошу, мсье, прощения у вашей супруги, – улыбнулся я. – Это лишь мое предположение, но венская мода несколько отличается от французской. – Я чуть было не сказал «парижской», но решил не акцентировать внимание на подозрительных неточностях в словах собеседника.

– Положим, действительно, мы направляемся в Вену, – с легкой досадой в голосе ответил эльзасский негодник.

– Дело в том, что мы с другом также направляемся туда и невольно слышали о вашей дорожной неприятности...

– Да, – нехотя сознался француз. – Оси на ландо оказались слишком слабыми.

– Ландо?! Но кто же ездит по нашим дорогам на ландо, да еще в ноябре?

– Вы, как я видел, тоже не в карете, господин граф, – парировал Дювиль.

– Да это все старик-отец! – с бесцеремонностью, достойной лучшего применения, вклинился в светскую беседу Лис. – Он опасается, что венские красотки вскружат Вальтеру голову. Там есть такие головокружительные дамы, шо просто всем стоять, остальным строиться. Не дамы – ка-ру-сель! Вот помню, была у меня одна... – он запнулся, – или две? Но это было в другой раз. А в этот – батюшка господина графа как узнал, что Вальтер собрался в Вену, так сразу впал в ярость и выпал в осадок – давай топтать ногами, крушить фамильные сервизы, кричать, что сейчас всех кругом оставит без наследства, а себя – без наследника. Короче, форменный деспот и тиран, слышать ничего не желает, видеть никого не хочет, запер всю дюжину карет на замок и выставил полсотни османских янычар охранять ключ. Представьте себе, они целый день заняты лишь тем, что скалят зубы, крутят усы и точат ятаганы. Звери! Просто звери! – Сергей подпустил слезу и едва не всхлипнул, повествуя о жестокостях моего тираниотца. – В общем, если б я не оторвал от сердца запасного коня, всё, туши свет, бросай гранату – пешком бы тащились, точно калики перехожие.

Когда хотел, Лис умел произвести неизгладимое впечатление на собеседника, правда, не всегда благоприятное, но это, как он говорит, издержки производства. Ошеломлённый стремительным, но беспорядочным потоком речи, обрушившимся на его неподготовленную голову, франт удивленно поглядел на меня. Я под столом пригрозил напарнику кулаком и сокрушенно покачал головой:

– Да, случилось небольшое недоразумение. Но это сущие пустяки, мои семейные дразги не должны вас тревожить. Я намерен приобрести экипаж нынче же. Полагаю, в здешнем захолустье найдётся что-нибудь пристойное, чтобы скромно доехать до столицы. Кстати, если желаете, мы вполне могли бы отправиться в столицу вместе. Хорошая беседа съедает дорогу, как говорят у нас в Богемии, а я с великой радостью попрактиковался бы во французском языке.

– О нет, благодарю вас, мсье, не утруждайте себя, ваш французский и без того хорош. – Черноусый собеседник наклонил голову тем неподражаемым образом, которым вышколенные адъютанты встречают приветствие командующего. – Пожалуй, мы с женой...

Дверь трактира отворилась, и в залу, внося с собой капли моросящего дождя, один за другим втиснулись шесть человек в серых промокших плащах. Каскеты на головах, высокие сапоги и ружья с примкнутыми штыками не давали усомниться в роде деятельности новых посетителей фройляйн Ульрики. Вслед за стрелками вошел седоватый капрал с роскошными бакенбардами, держа под руку хозяйку заведения и по-кавалерийски придерживая волочашую по земле саблю в железных ножнах.

– *Капитан, готовь билеты, компостер прибыл!* – встрепенулся Лис. – *Если я ничего не путаю, то щас эти ффраера начнут трусить чемоданы и проверять справки от врача. Страна вроде как почти в состоянии войны: француз на порог, а двери нараспашку.*

– Полагаю, к нам проверка не относится. Мы как-никак подданные его величества императора Австрии, – заверил его я.

– К нам – да, а парижан заметут за милые венки. У них готическим шрифтом на лбу написано, что они нелегалы и мечтают отлупить служивым наличных на заказ тёмных лорнетов. – Сергей покосился на побледневшую негоциантку. – А с поломанной телегой им просто дрова. Уехать они не могут, а здесь торчат – никакого бабла не хватит. Можно, конечно, отдать бонапартистов на съедение местным койотам. Но, чур, я против! Такие диковины ходячие и самим пригодятся. Давай, Капитан, не гужуйся, задави пехоту массой. Шо здесь понтуется какая-то добровольческая народная дружина, когда ты, цельный полковник местной армии, проводишь на глазах у всех и под носом у противника головоломную операцию в тайных интересах Генерального штаба? Зря, что ли, наши спецс тебе в поте лица залепухи вырисовывали?! Не посраим отечества! Качаем на полную катушку!

– Потрудитесь предъявить документы, господа, – оставляя пухлую ручку фройляйн Ульрики, нахмурил брови капрал.

– Но в чем дело? – Мсье Рене вскочил с места. – Мы никому не причинили вреда. Я почтенный человек и направляюсь в Вену по коммерческим делам! Я не позволю...

– Согласно указу полицей-президента, я обязан досмотреть и проверить документы и багаж всякого, кто прибывает в наш город. В случае отказа, – не вдаваясь в пререкания, пробасил матерый служака, – мне велено взять нарушителей порядка под стражу и препроводить, заковав в железо, для разбирательства...

– Полагаю, господин капрал, в столь жестоких действиях нет абсолютно никакой надобности, – лениво макая мясо в острый соус, проговорил я.

– А вы, собственно говоря, кто таков будете? – нахмурился суровый начальник патруля, окидывая бдительным взглядом незваных заступников.

– Я?! – Тучи, с полуночи висевшие над округой, картинно сошлись на моём челе, и в воздухе ощутимо запахло грозой. – Кто я такой?!!

Этот вопрос для расторопного секретаря звучал точно команда «Вперед!».

– Шо за дела, граф! Куда мы попали? Я не узнаю родное отечество, а оно не узнаёт нас! Пока мы спали, здесь все на фиг подменили! Это уже шо, не империя и, подавно, не Священно Римская?! Подымите мне веки, я не вижу здесь германского народа ни на полпфеннига! Капрал, перестаньте жевать объедки своей бороды и слушайте сюда! Вернее, смотрите, если умеете читать.

Бумаги, скрепленные весомыми печатями, начали выпархивать из секретарской папки моего друга, точно цветные платочки из кулака фокусника:

– Вот любуйтесь: подорожная, офицерский патент, заемные письма банка Ротшильда... Ну, это вам неинтересно, это приятельская записка от эрц-герцога...

Мой офицерский патент перекочевал в короткопалые ладони городского стражника, и его бакенбарды опали, точно осенняя листва под первым снегом:

– С-с-с вашего позволения, полковник богемских стрелков принцессы Александры граф Вальтер Турн фон Цеверш?!

– Он самый, – высокомерно кинул я.

– Собственной персоной, – подтвердил Лис. – Любимый племянник фельдмаршала Коловрата и достойный сын своего отца. Чье имя не требует огласки, потому как у всех на ушах и, буквально, воочию. Ну а я, стало быть, управляющий, а это его кондитер с женой-модисткой. Так шо вы их уж лучше не трогайте. Себе дороже. Потому как, ежели граф в минуты грусти полный жбан суфле с бланманже не съест, он тут же приходит в ярость, и тогда начинается такое!.. Трижды пришлось императорское помилование испрашивать. Весь в отца, губернатора!

– Но вы... – начал было старый вояка, в недоумении глядя на Ульрику.

– Она хозяйка этой гостиницы, – не замедлил пояснить Лис. – Если хотите, я могу при-
сгнуть об этом на Библии, строевом уставе или уж что там у вас является священной книгой.
А у нас коляска по дороге сломалась. Так что мы с его сиятельством на коней пересели, а они
холодные, голодные, в смысле, не кони, а совсем напротив, только ночью притащились. Что
тут непонятного, капрал? Что тебя гложет? Ты, браток, лучше мозгами не парься, скажи, где у
вас можно приличную карету прикупить. Мы, ты ж понимаешь, в долгу не останемся.

– Но... – Капрал покосился на своих подчиненных, топтавшихся в зале в ожидании
начальственных распоряжений.

– А вы шо стали?! – возмущенно набросился на стражников секретарь нашей светлости. –
А ну марш на кухню сосиски хряцать! Ульрика, радость моя, ты угостишь этих смелых воинов
своими замечательными сосисками?

К полудню небо над Холлабруном начало синеть, и уже через два часа от асфаль-
тово-серых туч, едва не касавшихся высоких каскетов городской стражи, не осталось следа.
Найденный в каретном сарае этого славного городка экипаж не слишком отвечал требова-
ниям, которые существуют в отношении карет, въезжающих в императорский двор. Однако
добраться до Вены, не вызывая нездорового интереса у встречных, в нем было можно, без
всякого сомнения, и даже с некоторым комфортом. Пехотный майор, исполняющий в Холлаб-
руне обязанности коменданта, услышав о прибытии высокого гостя, вызвался проводить нас
до границ своего округа. Сам того не подозревая, ревностный служака оказался тем последним
козырем, который заставил «кондитера» с женой продолжать свой путь в нашей компании.

Миль двадцать майор, а с ним десяток драгун сопровождали экипаж фельдмаршала
племянника. Лишь после того, заверив в преданности и готовности к услугам, комендант цере-
монно откланялся, намекая, что ежели при случае замолвлю о нем словечко дяде, то он не
заставит обвинять себя в неблагодарности. Я обещал оказать ему протекцию, не слишком,
впрочем, желая встречаться с собственными «близкими родственниками».

Совместная поездка предрасполагает к легкой беседе, и потому, с улыбкой выслушав
слова благодарности, я лишь отмахнулся:

– Ерунда! Дай этим солдафонам волю – они перегородят рогатками все дороги и будут
требовать по кроне за каждый вздох.

– Но мсье, если не ошибаюсь, вы и сами военный, – кокетливо глядя из-под длинных
ресниц, улыбнулась Сюзон.

– Вы абсолютно правы, мадам, я полковник богемских стрелков. Впрочем, это скорее
дань традиции, – наклонил голову я. – Мы, Турны, перебравшись в Богемию из Италии еще в XII
веке и с тех пор в каждом поколении даем отечеству военачальников или просто храбрых офи-
церов. Но в мирное время у меня нет нужды состоять при армии. Согласитесь, вся эта муштра,
оружейные экзерсисы – недостойное времяпрепровождение для воспитанного человека.

В голове послышался восхищенный голос Лиса:

– Капитан, где мой диктофон?! Послушал бы ты, шо сейчас метёшь! «Ах, эти прово-
нявшие потом мундиры! Ах, эти штаны – об них можно уколоться! Ффи-и-и!» – шарман,
блин!

– Лис, мне кажется, вельможа при эполетах и связях для этой странной парочки куда
более желанное знакомство, чем напыщенный богемский полковник.

– Что же, по – твоему, в них такого странного? – поинтересовался Сергей, скорее для
того, чтобы уточнить свои наблюдения.

– Ну, что они не те, за кого себя выдают, – это ясно как божий день. Однако суще-
ствует ли в мире хоть один негодянт, который бы направился в чужую страну, не имея
соответствующих бумаг? Опять же – ландо. Это открытая коляска для прогулок в Булон-
ском парке, никак не предназначенная для столь дальних поездок.

Между тем мои слова, брошенные с брезгливой гримасой привыкшего к роскоши дармоеда, имели немалый успех у французской прелестницы. Она поспешила томно взмахнуть ресницами и одарить меня обворожительной улыбкой, после которой не предпринять шагов по сближению было бы дерзостным непочтением к прекрасной даме.

– Вы надолго в Вену? – обратился я к мсье Дювилю, искоса поглядывая в сторону его супруги.

– Трудно сказать, – нехотя отозвался муж прелестной кокетки. – Как пойдут дела.

– Если пожелаете, вы могли бы остановиться в моем особняке. Он, правда, недавно куплен и еще не до конца меблирован, но мой управляющий, – я кивнул на Лиса, – утверждает, что при нем есть замечательный павильон, стоящий в прекрасном столетнем парке. Сейчас, правда, невозможно вдоволь насладиться его изысканными пейзажами, но весной, когда все расцветет...

– Весною, господин граф, мы, вероятно, уже будем в Санкт-Петербурге, – с явным огорчением вздохнула Сюзон. – Но ваше предложение...

– Мы не можем принять его, – дернув усом, резко ответил мсье Дювиль.

– Но почему, дорогой? – Госпожа негоциантка удивленно повернула головку к мужу.

– Это непристойно! – не задумываясь, выпалил тот. – И вообще, господа, у нас хватит денег снять жилье. Но даже если бы их не было, те нескромные взгляды, которые вы, мсье граф, бросаете на мою жену, заставляют меня подумать...

– Вот и подумайте. – Мрачней на глазах, я прервал речь француза. – Милейший, вы несете полную околесицу. Я предложил вам свою поддержку, протянул руку – вы же плюете в нее. Я не намерен этого терпеть, мсье. Если мои наблюдения верны, вы носите фамилию Дювиль совсем недавно, должно быть, со времен переворота, и ежели у вас была нужда изменить прозванию ваших предков, то скорее всего вы дворянин, а стало быть, можете решать вопросы чести как принято между дворянами. Вам не составит труда найти меня в особняке Турнов, что близ дворца эрцгерцога Фердинанда. Однако, понимая всю тяжесть вашего положения, я бы имел честь рекомендовать вам очнуться от вашей беспочвенной ревности.

– Господа, господа! – попробовала вмешаться не на шутку встревоженная француженка. – Ну что же вы!

– Мадам, – отчеканил я, – все, что в моих силах, – это дать вашему мужу время одуматься. Полагаю, у него хватит чести не пользоваться моей добросердечностью, чтобы похитить этот экипаж.

– Но в нем есть часть и моих денег! – запротестовал Дювиль.

– Я помню об этом, но даже если бы он до последней колесной спицы принадлежал мне, я не заставил бы даму добираться до столицы верхом по такой морозной погоде. Жду вас нынче вечером, а сейчас, – я стукнул кулаком в стену кареты, за которой восседал нанятый в Холлабруне кучер, – остановите экипаж! Сергей, друг мой, велите берейтору подвести коней.

– Ну, шо ты здесь устроил? – досадливо спросил Лис, когда мы отъехали от кареты на приличное расстояние. – Опять пальцы веером – дуэль, шрапнель, мадмуазель! Сейчас французика мандраж пробьет, он на грунт ляжет, и ищи его потом частым бреднем.

– Незачем его искать, – поморщился я. – Он явно бывший офицер, и, судя по вздорному характеру, дуэли для него не в новинку. Однако, помнится, о графе Бонапарте говорил не он, а его жена. Стало быть, эта очаровательная мадам негоциантка, вероятно, куда интереснее, чем ее муж.

– Другой бы спорил, – хмыкнул Лис. – Особа интересная со всех сторон!

– Я не в этом смысле!

– Да?! А в карете я было подумал...

– Неправильно подумал, – прервал я друга. – В общем, слушай меня внимательно. Здесь до Вены другого пути нет: справа Дунай, слева лес. Свернуть карете некуда, так что на этой дистанции можно не опасаться – с нашими подопечными ничего не случится. А вот от въезда в столицу за экипажем хорошо бы организовать слежку. Кто, что, куда... Опять же карета целее будет.

– Не бойсь, – обнадежил меня Лис, укоризненно качая головой, – сделаем! Мороз и солнце, ветер в харю, но я старательно... для дела.

Последние слова его речи были заглушены звуком раздавшегося за нашими спинами слитного залпа. Затем выстрелы ударили россыпью, как горох в жестяную кастрюлю. Лис с силой натянул поводья:

– Тпррру! Капитан, а ты уверен, что нашим клиентам действительно ничего не угрожает?

Глава 3

Жизнь неумолимо толкает человека на добровольные поступки.
Робинзон Крузо

Грязь, ударившая из-под копыт во все стороны, еще не успела опасть, когда послышавшийся издали женский крик окончательно убедил нас, что добраться до Вены в идиллическом спокойствии не удастся. Кони намётом вынеслись на холм, и мы с Лисом воочию смогли разглядеть последствия лесной засады.

У самой подошвы возвышенности, там, где дорога забирала вверх, заставляя экипаж замедлить ход, пару минут назад разыгралась нешуточная схватка. Берейтор, вооруженный карабином, лежал под колесом рухнувшего набок экипажа, и лужа крови расплзалась из-под его неподвижного тела. Второе колесо еще крутилось над ним, словно пытаясь умчаться с места происшествия. Чуть поодаль, вцепившись намертво в поводья, лежал кучер. Должно быть, последние ярды кони волочили его по земле. Рядом бились в конвульсиях две из четырех упряжных лошадей. Пятеро вооруженных мерзавцев сустились вокруг кареты, и еще один готовился представить отчет о своих действиях святому Петру. Должно быть, берейтор все же успел выстрелить, прежде чем слететь с козел.

Дорога была усыпана распотрошенным багажом господ Дювилей. Однако те секунды наблюдения, которые мы смогли себе позволить, давали основание предположить, что парижские наряды не представляют для разбойников никакой ценности.

– Открываем огонь с дистанции пять—семь ярдов. Бьем с ходу на поражение. Если что – я дальше работаю шпагой, ты меня прикрываешь.

– Мог бы и не говорить, – в тон мне отозвался Лис, наматывая уздечку на запястье и взводя курки седельных пистолей. – Чай, оно не в первый раз! Ну что, Капитан, понеслась душа по кочкам!

Упоение победой – бич многих полководцев, куда более прославленных и опытных, чем устроители лесной засады. Занятые изучением шляпных картонок и баулов с платьями разбойники не позаботились выставить охранение, а потому заметили нас лишь тогда, когда кремни пистолей уже высекли искру, и язычок пламени скользнул к затравочному отверстию.

Три ствола выплюнули свинцовые орехи почти в упор, не оставляя надежды лесным бродягам. Еще один, пытавшийся было схватить прислоненный к кузову экипажа штуцер, сделал шаг в сторону, однако, наклонившись в седле, я все же достал его кончиком шпаги и промчался дальше, оставляя на горле несчастного глубокую кровавую рану. Последний нападавший, не теряя времени, устремился в лес, небезосновательно полагая, что всадники не рискнут преследовать его среди кустов, корневищ и поваленных деревьев. Расчет его был верен. Здесь, на дороге, мишенью был он, там же роли полностью менялись.

– Лис! – крикнул я. – Прикрой меня! Только осторожно, у сбежавшего бродяги за поясом было два пистолета. Я гляну, что там с французами.

– Да что с ними можетиться? – укрываясь за перевернутой каретой, проговорил Лис, перезаряжая свои пистолеты. – Небось лапы склеили.

Меня невольно передернуло от такой бесчувственности. Насколько я мог знать своего храброго напарника, циничный порою на словах, он был надежным другом, когда доходило до настоящего дела. Оглядываясь на придорожные кусты и прислушиваясь, чтобы при случае отреагировать на вспышку или щелчок спускаемого курка, я начал поиски.

Карета была пуста, но выбитые стекла и следы борьбы свидетельствовали, что мсье Дювиль не утратил присутствие духа и после крушения экипажа. Валявшийся на полу жилетный пистолет был разряжен, а дверца кареты снаружи была залепана кровью. Судя по глубо-

ким бороздам в дорожной грязи, разбойники выволокли пассажиров и тащили их по земле в сторону обочины. Еще раз окинув взглядом кусты, я, настороженно озираясь, направился туда, куда вели следы.

Мсье Рене и его очаровательная супруга находились там, где я и ожидал их увидеть, – на обочине дороги. Господин Дювиль едва слышно стонал, его сюртук был сорван и валялся поодаль, жилет распахнут, и из-под него на белой рубашке с правой стороны расплывалось кровавое пятно. Мадам Сюзон была, кажется, невредима, но без сознания. Я поднял ее с холодной земли и, стараясь не оскальзываться, понес к экипажу. Расслабленное тело француженки обмякло в моих руках и оттого казалось вдвое тяжелее.

– Как успехи? – не сводя глаз с леса, поинтересовался Сергей.

– Плохо, – коротко проговорил я. – У мадам глубокий обморок, а мсье, похоже, не жилец. У него дырка в лёгком примерно с полдьюма. Надо попробовать поставить карету на колеса, может, удастся его спасти – до Вены недалеко, а там наверняка найдутся толковые врачи.

– Пока мы поставим карету, пока сбрую с четырех персон на две перемастрячим, пока до Вены доплетемся – француз уже наверняка в ящик сыграет. Причем заметь, Капитан, ты, конечно, мужик здоровый, но в одиночку ни тебе, ни мне карету не поднять. А если мы вдвоем ее на колеса ставить будем, тут нас из двух стволов и положат.

– Что же ты предлагаешь? Не оставлять же здесь раненого и женщину без чувств?

– Ну, без чувств – это поправимо. А раненый... Вальдар, ты только пойми меня правильно, ну шо он в этой галантерее на колесах откинется, шо мы его верхом повезем – разницы нет. Со святыми упокой. Давай-ка лучше по старинному тамплиерскому обычаю: по двое в седло и – гори оно все синим пламенем.

В словах Лиса, несомненно, был резон. И все же опасение растрясти тяжелораненого не давало силы согласиться с его предложением.

– Я перевяжу Дювиля и попытаюсь остановить ему кровь, – точно не слыша слов Сергея, бросил я, начиная спуск в кювет, за которым лежало тело умирающего француза.

Странна природа человека! Менее получаса назад я более чем недвусмысленно предложил ему надеть отверстий друг в друге, теперь же рисковал жизнью, чтобы, быть может, на считанные минуты продлить его существование. Но пока француз был еще жив и силился не терять сознание, а стало быть, оставлять попытки его спасти было недостойно.

– Благодарю вас, граф, – порывисто дыша, выдохнул он. – Прошу вас, снимите мне корсет. – Он прикрыл глаза, отдыхая после длинной фразы.

Я рванул его рубаху. Манера светских львов затягиваться в сбрую из костяных пластин, чтобы подчеркнуть талию, могла вызвать усмешку, но, судя по всему, сейчас эта импровизированная кираса, хоть и на самую малость, смягчила удар. Не имея времени разбираться с многочисленными крючками, я вытащил из сапога отточенный метательный нож, оружие последнего шанса, и начал быстро вспарывать им плотную ткань галантерейной упряжи. Почувствовав свободу, грудь француза начала вздыматься сильнее. Я откинул в сторону ставшую ненужной рванину, но в этот момент раненый снова открыл глаза.

– Не заботьтесь обо мне, рана смертельна. Я офицер, знаю, что говорю. В корсете... от крючков третья пластина слева... достаньте ее.

Я молча повиновался, и спустя считанные мгновения в руках у меня оказался зашитый в полотно длинный пакет, закрепленный на пластине китового уса.

– Прошу вас, граф, доставьте депешу генералу Бонапартию в Санкт-Петербург, и вы нанесете врагам своего отечества вред больший, чем все богемские стрелки разом. И еще, – француз замолчал, собираясь с силами, – я, лейтенант швейцарской гвардии Огюст Луи де Сен-Венан, умирая, прошу вас: спасите, – он снова умолк и прошептал уже на последнем дыхании, – Сюзон.

Я приложил два пальца к шее храброго офицера и прошептал сам себе: «Мёртв».

- Ты там скоро? – слышался сверху окрик Лиса.
- Уезжаем! – не отвечая на его вопрос, крикнул я.
- Понятно, – жестко проговорил Лис, не вдаваясь в подробности.

Подъем на вершину холма – недавний рубеж кавалерийской атаки – был куда более медленным, чем спуск. Импровизированные носилки, сооруженные мастеровитым Лисом из конской упряжи и сиденья кареты, мы закрепили между двумя оставшимися лошадьми, и это было максимально комфортным средством передвижения, на которое в эту минуту могла рассчитывать несчастная француженка.

Одежда ее была в грязи, но времени предпринимать что-либо по этому поводу не оставалось. Я наскоро бросил поверх бесчувственного тела валявшуюся на земле лисью шубу, которая могла хоть как-то согреть женщину, и оглянулся. Представшая взору картина вызывала печальные мысли о бренности жизни: восемь человек, еще недавно мыслящих, любивших, страдавших, лежали теперь без движения, оставленные на корм воронью.

– Не смотри, – перехватывая направление моего взгляда, проговорил Лис. – Доедем до Вены, поднимем на уши всю королевскую рать. Пускай уж полиция занимается похоронами, если не может обеспечить безопасность у себя под носом.

Я отвернулся и пришпорил коня, но тщетно – гибель лейтенанта де Сен-Венана не шла у меня из головы. Зашитый в полотно конверт притягивал внимание точно магнитом. По словам смертельно раненного офицера, он таил информацию огромной важности, причем, вероятно, имеющую значение не только для российского генерала Бонапартия, но, возможно, и для успеха нашего дела. Служебный долг велел немедленно вскрыть тайную депешу, но слово, данное умирающему дворянину... Я покосился на верного спутника. Возможно, попади эта загадочная деталь корсета ему, вопрос бы решился проще. Но у провидения свои резоны. Размышляя таким образом, я не сразу осознал суть вопроса, донесшегося с конных носилок.

– Где я?

– В получасе езды от Вены, – бросил Лис.

– Где мой муж? – пытаясь чуть приподняться на локте, настороженно спросила госпожа Дювиль де Сен-Венан.

– Мне прискорбно сообщать об этом, сударыня, – начал я. – Но, увы, он мертв. Он сражался, как подобает офицеру, и умер от раны.

Лицо красотки помрачнело, но ни одна слеза не блеснула в ее огромных глазах.

– Убит, – лишь повторила она, откидываясь на трясущееся ложе.

Пожалуй, кто иной мог бы обвинить ее в бесчувственности, но мне доводилось видеть, какой шок порой вызывают сообщения о гибели близких людей у глубоко страдающих и любящих родственников.

– Мадам, – стараясь говорить как можно мягче, начал я. – Примите наши глубочайшие соболезнования. Мы готовы оказать вам любую помощь, которая только будет в наших силах.

– Пакет. При нем был пакет, – точно вспомнив что-то очень важное, перебила меня Сюзон. – Вы нашли его?

– Мадам, мы вам шо, почта? – бесцеремонно, как это зачастую бывало, вмешался Лис. Однако на канале связи я услышал совершенно другое: – *Капитан, женщина спрашивает о каких-то почтовых отправлениях. Ты что-нибудь подобное надывал?*

– Да, – честно признался я.

– А почему молчал?

– Времени не было, – вяло попытался парировать я.

– Куда же это, интересно, мы так спешили?

Его вопрос остался без ответа, поскольку был заглушен категорическим требованием безутешной вдовы:

– Вы должны немедленно повернуть назад!

Тон, которым были произнесены эти слова, не допускал возражений. Так, будто супруга лейтенанта де Сен-Венана в родном Париже только тем и занималась, что командовала графами и определяла направление действий старшим офицерам.

– Это невозможно, мадам, – со вздохом ответил я. – Одному из разбойников удалось скрыться. Наверняка он отправился за подмогой.

– Неужто вы трусы, бегущие от встречи с врагом? – набросилась на нас взбешенная госпожа Дювиль, кажется, напрочь забывшая и об убитом муже, и о том, при каких обстоятельствах вновь оказалась нашей спутницей.

– Сударыня, – стараясь подавить обиду, отрезал я. – Я обещал умирающему лейтенанту де Сен-Венану позаботиться о вас и, можете не сомневаться, сдержу это обещание. Более того, я не оставлю этого дела без должного возмездия и приложу все силы и влияние, чтобы виновные понесли заслуженную кару. Но извольте понять, я состою на государственной службе, и у меня есть дела поважнее, чем подставлять голову под шальные пули.

– Но извольте понять, мсье! – не унималась разгневанная француженка. – В этом пакете, – она запнулась на короткий миг, – в нем все состояние нашей семьи.

– Я уже имел честь заметить вам, мадам, – увещеваяще продолжил я, – что дал слово вашему мужу и, стало быть, не оставлю вас без средств к существованию. Можете быть в этом уверены.

– Мне не нужны ваши подачки! Поворачивайте коней! – не сдерживая себя, уже кричала Сюзон.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал я. – Скоро мы будем в Вене, там я лично обращусь к полицей-президенту. Не сомневайтесь, он вышлет сильный отряд. Тело вашего мужа и все вещи будут доставлены в столицу...

– Вы!.. Вы!.. – Очаровательная Сюзон ткнула лицом в шубу и неподдельно, от души зарыдала.

– *Капитан*, – голос Лиса на канале мыслесвязи звучал удивленно, – *я был благодарным, то есть буквально молчаливым зрителем. Теперь мысленно изображаю бурные аплодисменты и горю желанием уразуметь суть разыгравшегося перед моим взором шекспировского этюда. Короче, шо это было?*

– *До сути еще далеко, – честно сознался я. – Но есть ряд заметок. Я могу понять и даже объяснить отсутствие стенаний по поводу безвременной кончины мсье Дювиля. В конце концов, мало ли какие отношения могли быть в этой внешне благополучной семье. Я могу списать на шок то, что мадам оставила без внимания упоминание офицерского звания мужа и его настоящего имени. Однако пакет, который бывший лейтенант королевской гвардии Людовика XVI, умирая, просил доставить генералу Бонапартию, вряд ли может содержать акции или банковские заемные письма. Во всяком случае, такие бумаги не могут быть опасны для базилевса Франции Александра. А мсье де Сен-Венан говорил именно об этом. Так что я полон решимости исполнить последнюю волю умирающего и доставить пакет в собственные руки Наполеона.*

– *Ну-ну, – отозвался Лис. – Великоват ты, прямо скажем, для почтового голубя. Но если уж ты твердо решил, то мне как человеку, которому придется кормить тебя с руки отобранным у местного населения зерном, хотелось бы уточнить, о каких таких миллионах стонет наша безутешная вдовушка.*

– *Лис, это бесчестно, – попробовал было возмутиться я.*

– *Ой, держите меня все разом! Шо я такое слышу?! – глумливо отозвался Сергей. – То, шо мы у скорбной вдовы конвертик со сбережениями потянули, – это нормально. То, шо мы тут самозванно графьев изображаем, – это все честно. А для пользы дела вскрыть ценный пакет – тут у нас хонор и шляхетский во все стороны брызжет, шо то масло на сковородке.*

– Лис, – радуясь возможности переменить тему, оборвал его я, – поговорим об этом позже, а сейчас прими должный вид, на горизонте Вена.

Вена! Есть мало городов в нашем, да и в любом другом окрестном мире, столь же прекрасных, как она. Могли ли помыслить воинственные кельты, основавшие свое поселение на берегах голубого Дуная, каким много веков спустя предстанет нашему взору этот выросший из скопища жалких лачуг город. Впрочем, неизвестно, каким бы он стал, если б не железная поступь римских легионов, решивших провести по Дунаю очередную границу империи. Военный лагерь Вандобона – под этим названием разросшийся поселок начал впервые появляться в хрониках летописцев, чтобы очень скоро стать центром графства, герцогства, королевства, а затем и новой Империи. Какой смысл говорить о том, как прекрасна Вена, особенно весной, когда огромный венский лес, покрывающий отроги Альп, дышит свежестью, и птицы, упоенные красотой Дуная, соревнуются в майских серенадах. Может ли слово состязаться с резцом скульптора, возвышенным расчетом архитектора и кистью художника? Гуляя здесь аллеями винных садов Хойриге, невольно думаешь, что город этот создан для творчества, для музыки, наполняющей его в любое время года, для неспешной торжественности званых балов и веселых пикников добродушно-радостной молодежи. Вена дышит звуками Моцарта, и хотя в ней еще, увы, не слышны вальсы Штрауса, кто может состязаться с ней, поэтичной и галантной, готовой ласково принять всякого, любящего жизнь.

Но сейчас заканчивалась промозглая осень, берега Дуная были засыпаны листвой, а река затянута тонкой наледью. Все замерло и забилося в щели, лишь колокола собора Святого Стефана разгоняли висевшую над городом сонную тоску. Подраненная два года назад Австрия бредила войной, и этот бред заглушал пугливых муз.

Дом полицей-президента, куда мы отправились сразу по прибытии в столицу, встречал нас жарко натопленными каминами, пушистыми коврами и ароматными пирожными, выставленными в приемной его превосходительства на серебряных подносах. Выслушав мой страстный монолог, сопровождаемый яркими комментариями Лиса, государственный муж пришел в неистовство и, отправив на дорогу сотню жандармов, принялся со всей страстью христианского милосердия успокаивать всхлипывающую безутешную, но от того не менее очаровательную вдову.

– Ка-пи-тан, – прорезался на канале связи обеспокоенный Лис. – Пора отсюда валить. Этот генеральный мент так облизывается на Сюзон, шо щас, кажется, языком до затылка дотянется.

– Согласен.

Я приподнял шляпу, сообщая любезному чиновнику о своем намерении откланяться. Прощальная фраза уже готова была сорваться с моего языка, но так и осталась произнесенной. Поднявшаяся было с ложа скорби французская красавица ступила шаг в сторону его высокопревосходительства, повела вокруг себя туманным взором и обмякла, стараясь не рухнуть мимо объятий полицей-президента. Вокруг заезжей иностранки, без памяти опустившейся в мягкое атласное кресло, без промедления засуетилась охающая стайка встревоженных домохозяев с притираниями, примочками, нюхательной солью и многочисленными расшитыми подушечками, которые предлагалось мостить под голову, под спину и далее, далее, далее...

Очень скоро дурно уже было нам, поскольку едва пришедшая в себя мадам Дювиль была стремительно увлечена на женскую половину, где ей надлежало отдохнуть и немножко подкрепиться в ожидании лейб-медика императора, за которым послали экипаж, и он с минуты на минуту должен был быть здесь.

Полицей-президент, совсем недавно за свои старания возведенный в баронское достоинство, поначалу слегка робел и, встревоженно потирая руки, старался поддерживать беседу с титулованным посетителем, но вскоре, потеряв терпение, бросился к прелестной гостье, едва

успев сообщить, что его ждут неотложные дела. В приемной остались только мы и пирожные на серебряных подносах.

– Ну шо, ваш сиясь? – решая за неимением других противников отыграться на пирожных и потирая руки, начал Лис. – Здорово нас тетка прокинула?

– Возможно, действительно у нее случился обморок. Все-таки пережитое, смерть мужа...

– Ага, держи карман шире. Пока ты исходил нога в ногу праведным гневом, я тут искося следил за вдовушкой. Так шо я тебе скажу, она так глядела на президента с полицаем, шо у того чуть штаны по шву не лопнули.

– Лис, – с укором проговорил я.

– А шо Лис?! Я ему штаны не шил и баб на дом не поставлял, – возмутился Сергей. – Знаешь, далеко-далеко отсюда, за морем, на туманном острове Альбион есть странный обычай: уходить не прощаясь. Я вот думаю, может, стоит познакомить с ним господ венозников, в смысле – венцев?

Я было собрался напомнить ему, что обещал беречь мадам Сюзон и все еще намереваюсь предоставить ей кров и средства для жизни, но тут возникший на пороге лакей в напудренном парике с буклями и длинной косой объявил нам как заинтересованным лицам, не принимающим участия в общем веселье, что госпожа Дювиль еще слишком слаба и, по мнению доктора, ей как минимум дня три не следует оставлять постель. А посему она просит извинить ее и обещает дать о себе знать, лишь только почувствует улучшение здоровья.

– Н-да, – нахмурился я, – постель – дело хорошее. Нам тоже о ней следует подумать. Наше почтение господину барону. Завтра утром я пришлю справиться о здоровье мадам Дювиль.

Мы с Лисом, не теряя времени, размашистым шагом, точно меряя на ярды пресловутую российскую скатерть-дорогу, направились к выходу, и очень скоро ворота не в меру гостеприимного особняка захлопнулись за нами.

– Ну шо, Капитан, как дальше заботиться планируешь? – не смог удержаться от язвительного укола Лис.

– Да уж как-нибудь позабочусь, – отмахнулся я, не желая разговаривать на болезную тему. – Меня вот другое сейчас интересует...

– Ну-ка, ну-ка, поделись. Я тоже поинтересуюсь. – Губы Лиса сложились в ехидную улыбку.

– Помнишь, когда я искал, куда разбойники утащили французов, то обнаружил нашего раненого лейтенанта без сюртука и в распахнутом жилете? Возможно, он успел выскочить из кареты, пытаясь оказать сопротивление. Как водится, он сбросил сюртук, чтобы тот ему не мешал, и, вероятно, пытался отстреливаться. Один жилетный пистолет лежал в карете, но такие обычно продаются парами.

– Не пойму, к чему ты клонишь, Капитан? Тебя интересует судьба второго пистолета?

– Нет, я о другом. Когда лейтенант сбрасывал сюртук, из кармана вылетел бумажник. Хороший бумажник, кордовской тисненой кожи, очень дорогой и довольно пухлый.

– Ну и что?

– Когда я подошел, бумажник лежал на земле в нескольких шагах от раненого офицера. Лис, ты когда-нибудь видел разбойника, который не интересовался бы содержимым кошелька?

– Не помню такого, – медленно проговорил мой хозяйственный друг. – Действительно, странно. Может, нападающие его просто не заметили?

– Но я же заметил. – Эффектная пауза продолжалась целую минуту. – Вот и получается, что господу Дювиль – не господу Дювиль, а разбойники, вполне возможно, – не разбойники.

– Может, и пакет – не пакет? – немедленноотреагировал догадливый напарник.

– Нет, вот как раз пакет, кажется, единственная настоящая вещь во всей этой странной истории.

– Тем более мы должны немедленно выяснить, в чем тут собака порылась!

– Сергей, давай без спешки, – покачал головой я. – Я еще раз постараюсь осмыслить все сегодняшние происшествия. Может, всплывет что интересное.

– Всплывет, – согласился Лис, – по весне, когда лед на Дунае сойдет.

Я молча пожал плечами, не желая продолжать беседу.

Особняк, недавно арендованный институтской резидентурой для графа Турна, ждал приезда хозяина. Условия натурализации в этом мире требовали от нас не просто богатства и громкого титула, но и реального влияния, реальных связей при дворе, знакомств и отношений, на которые можно сослаться, которые легко можно проверить и подтвердить. Ведь не появишься же во дворце российского императора с командировочным удостоверением Института и требованием предоставить удобное местечко для работы, да и генералу Бонапартию влиятельный австрийский вельможа вдвойне интересней, чем обычный искатель приключений, желающий устроиться на службу в России.

– Господи, – возмущался едущий рядом Сергей. – Ну кто ж такое мог придумать? Они шо, издеваются? Улица называется «Тухлый бубен»!

– Тухлаубен, – автоматически поправил я.

– Да какая, на фиг, разница? Все равно звучит непристойно.

Я не стал спорить с напарником, тем более что впереди уже маячили ажурные кованые ворота особняка нашего сиятельства.

– Открывай, сова, медведь пришел! – радостно заорал Лис, обнаружив под козырьком над створками плетеный шнурок колокольчика. – Эй, заснули, что ли?!

– Чего изволите? – степенно донеслось из стоявшей неподалеку привратной сторожки.

– Всего изволим! И немедленно! – радуясь близкому отдохновению от нелегкого путешествия, снова заорал Лис. – Глаза разуйте, не видите, что ли, хозяин приехал.

– О, ваше сиятельство, ваше сиятельство! – Выскочивший из каморки привратник засуетился с тяжелым засовом. – С утра ждем-с!

– А мы тут дорогой слегка поохотились, – кокетливо подобрал губы мой ехидный секретарь, – так, для аппетита. Четыре башки отломали... Пустяки, в сущности.

Глаза привратника изумленно округлились, но он вышколенно промолчал, впуская нового хозяина, и лишь затем сообщил, почтительно наклонив голову:

– Ваше сиятельство, позвольте доложить: ваш старый друг ожидает господина графа уже более двух часов.

Глава 4

Не бойтесь ставить точку, именно с нее все и начинается.
Пабло Пикассо

Широкие ступени парадной лестницы были устланы ковром, глушившим шаги, и все же серебристый звон шпор гулко разносился по анфиладам пустого особняка. Завтра поутру здесь все оживет и придет в движение. Лакеи под руководством дворецкого споро начнут готовить дом нашего сиятельства к приему, которым господин граф намерен почтить высшее общество столицы, повара займутся приготовлением угощений, а знаменитые на весь мир венские кондитеры будут состязаться за право подать свою непревзойденную сдобу и пирожные сливкам общества. Но это лишь завтра, а нынче...

– Бардак в почтенном семействе! – разорвался Лис. – Капитан, в смысле – полковник, где ты берешь таких друзей? Люди не спали, не ели, об седло себе всю задницу отбили, пока доскакали, тучу народу почему зря положили... И шо? Опять политесы разводить? Лучшая подружка – мягкая подушка! Я, между прочим, вторую ночь бдю неусыпно на службе отечеству, и это пагубно сказывается на моем цветущем организме. А если я сейчас прямо не приму ванну, то организм начнет не только цвести, но и благоухать, и страна от этого только пострадает. Как говорил классик мыслительного процесса, кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!

– Лис, – одернул я напарника, – насколько я помню, пока что у нас в Вене один-единственный друг, и с ним еще предстоит познакомиться.

– Вот и я о том же, – вздохнул Сергей. – За завтраком бы и познакомились.

Наш таинственный друг ожидал появления хозяина особняка и его верного соратника, сидя в библиотеке. Его тонкое лицо казалось хронически недовольным и не выражало ни малейшей радости от долгожданной встречи. Стоявший перед ним на пюпитре том с золотым тиснением был небрежно заложен ножом для резки бумаг. Ручка из пожелтевшей слоновой кости торчала между страниц книги. Для полноты картины не хватало только черепа на столешнице и черного ворона на плече.

– Вы задержались, – вытаскивая из кармана золотой брегет и поднимая его крышку, недовольно заметил заждавшийся посетитель.

– Прошу прощения, – проговорил я, склоняя голову, – дороги, как всегда, полны неожиданностей.

– Отныне, господа, надеюсь, все ваши неожиданности прекратятся. Вы должны наилучшим образом исполнить то, что вам поручено. А приключения на дорогах, уж будьте так добры, оставьте гусарским ротмистрам и прочим ловеласам.

– Между прочим, наш уважаемый старый друг, – возмущенный столь холодным приемом, не замедлил вмешаться Лис, – мы тоже тут не ля-ля – тополя разводили. Провернули буквально на глазах у восхищенной публики сложнейшую агентурную операцию, раздобыли, проливая кровь, чужую ценную депешу. Между прочим, не кому-нибудь так, вообще, а одному небезызвестному вам фавориту российского императора.

Желчное лицо ответственного за нашу встречу, выхватываемое из темноты зыбким пламенем свечей, казалось, чуть просветлело.

– Если мы были вам нужны, можно было воспользоваться закрытой связью, – стараясь заглушить возмущенную тираду напарника, проговорил я.

– Закрытой связью должны были воспользоваться вы, – жестко отрезал раздраженный собеседник, – чтобы известить меня о сложившейся ситуации и запросить разрешения на проведение оперативных мероприятий.

Мы с Лисом молча переглянулись.

Институт экспериментальной истории, в котором все здесь собравшиеся имели честь работать, был крупным научным и научно-практическим центром. В нем работали тысячи людей, имелся даже собственный закрытый поселок, но если бы какая-нибудь комиссия решила в любой будний день проверить наличие работников в стенах центральной базы, то не обнаружила бы на месте и трети сотрудников. А если бы членам комиссии вздумалось ожидать, пока «нарушители трудового распорядка» принесут им свое объяснение, они рисковали встретить старость, так ничего и не дождавшись.

Большая часть личного состава нашего почтенного заведения пребывает в иных мирах, причем подолгу, едва ли не пожизненно. Зачастую институтская агентура обзаводится семьями, многие «станции» и оперативники становятся заметными историческими фигурами в местах своего нового проживания. Иногда они одиноки и незаметны, но всегда к ним тянутся невидимые информационные каналы, за содержание любого из которых многие короли и их министры готовы были бы широко распахнуть свои кошельки.

Агентами и резидентами становились люди весьма разных талантов и склада ума. А уж характеры их – дело и вовсе глубоко индивидуальное. Скажем, резидент Института, руководивший агентурой в этом мире, имел характер непримиримо требовательный и, мне показалось, вздорный. Возможно, до этого ему не приходилось иметь дела с оперативниками вроде нас, и он предъявлял к свежему пополнению те же претензии, что и к обычным стационарным агентам, но как говорил Лис, клиент хочет странного. Хороши мы были бы сегодня днем, запрашивая у резидента разрешения атаковать разбойников на лесной дороге.

Между тем пауза затягивалась, и новообретенное руководство, сочтя наше молчание признаком глубокого раскаяния, бросило хмуро:

– То, что вы говорили о депеше, – правда?

– Чистая правда, – признал я.

– Давайте ее сюда, – скомандовал резидент.

Я со вздохом вытянул пакет из кармана.

– А позвольте узнать, ваше превосходительство, как вас тут звать-величать? – склоняясь в насмешливом поклоне, поинтересовался Лис.

Руководство бросило на любопытного агента недовольный взгляд, но, по зрелом размышлении сочтя вопрос резонным, решило сменить гнев на милость.

– Меня зовут дон Умберто Палиоли, – резидент вытащил из томика Горация нож с костяной рукоятью, – я совладелец и управляющий «Банко ди Ломбарди». – Он вонзил серебристый клинок в полотно, и я с грустью отметил для себя, что мои терзания по поводу корректности просмотра чужой корреспонденции господину Палиоли абсолютно не свойственны. Впрочем, чему тут удивляться?

– Итак, я возглавляю венский филиал банка и руковожу его операциями по всей Австрии. Так что можете не сомневаться – финансовых проблем у вас не будет. Вы, сударь, – он обратился ко мне, – должны жить на широкую ногу, но призываю вас помнить, что деньги, которые вы тратите, казенные, а потому расходуйте их экономно.

– О, будьте уверены! – улыбнулся я. – На этот счет вы найдете верного союзника в моем секретаре.

– Надеюсь, – коротко ответил банкир, доставая из холщевго пакета запечатанный восковой печатью длинный бумажный конверт. Не желая, должно быть, возвращаться к этой теме, господин Палиоли направился к бронзовому канделябру и поднес нашу добычу к пламени свечи. Затем, орудуя все тем же ножом для бумаги, аккуратно приподнял чуть растопившуюся печать.

– Ну-ка, что здесь? – Одним движением, каким обычно в банке извлекаются из конвертов вложенные чеки, он выхватил сложенные вдоль листки тончайшей рисовой бумаги, усеянные строчками каких-то символов. – Проклятие! Да это шифр! Интересно, что за шифровки

передают Бонапартию из Парижа? Что тут у них на печати? – Банкир уставился на оплывший восковой кругляш. – Увы, мне это ни о чем не говорит.

– Можно ли мне поглядеть?

Маэстро Палиоли пожал плечами и протянул мне конверт.

– Это отпечаток перстня.

– А вы что же, ожидали увидеть большую печать базилевса?

– О нет, – я покачал головой, пропуская колкость мимо ушей, – как мне кажется, на печати изображена пчела.

– Вы что-нибудь об этом знаете?

– Немного. – Я пожал плечами. – Пчелы были на гербе, который Наполеон предполагал учредить для Франции, а еще они *являлись* эмблемой древней франко-германской династии Меровингов, а кроме того, пчела – символ общего дела и готовности погибнуть ради его успеха.

– Недурно. – Пожалуй, за сегодняшний вечер это было первое доброе слово со стороны нашего «старого друга». – Как вы полагаете, кому принадлежит сей таинственный знак?

Я развел руками:

– Возможно, кому-то, ведущему свой род от потомков Дагоберта III, а может, и организации заговорщиков, работающих на Бонапартия.

– Все это лишь домыслы, – недовольно поморщился резидент. – Ладно, может, расшифровка даст больше. Это я заберу с собой, завтра вы получите спасенное послание в прежнем виде. А теперь давайте вернемся к тому, что вам предстоит сделать.

Резидент пожевал губами невидимую соломинку, возможно, для коктейля, обдумывая, достойны ли мы быть посвященными в сокровенные тайны европейской политики.

– О том, как бедный корсиканский лейтенант стал российским графом и генерал-адъютантом императора Павла I, вас, полагаю, уже информировали.

Мы с Лисом молча кивнули.

– Конечно же, несмотря на такой оборот судьбы, мы не стали оставлять без внимания фигуру несостоявшегося императора французов. Благо его семья по-прежнему оставалась на родине, а Наполеон выказал себя любящим сыном и братом. При помощи нашего банка мы предоставили императорскому фавориту максимально выгодные условия для перевода денег и пересылки корреспонденции из России во Францию.

– А шо, почту здесь еще не изобрели? – вставил свои шесть пенсов Лис.

– Корреспонденция столь высокопоставленных особ немедля попадает в черный кабинет российской почтмейстерской конторы, – не моргнув глазом отозвался Палиоли. – А письма графа Бонапартия, как вы сами увидите, хоть и не зашифрованы, но изобилуют рядом иносказаний и аллегорий, вероятно, понятных лишь посвященным.

– Например? – не удержался я от вопроса.

– Так, он радуется очередным успехам Севера и обещает Апису, что в случае его преданности солнце над его головой не закатится никогда.

– Возможно, это какие-то масонские символы, – предположил я, вспоминая обстоятельные беседы лейб-медика императора Петра III Пугачева, по старинке пользовавшегося титулом графа Калиостро, и молодого артиллерийского офицера с неистребимым корсиканским акцентом. – Насколько мне известно, Наполеон с его математическим складом ума в юные годы был падок на геометрические системы мироустройства.

– Может, и так, – согласился маэстро Умберто, не особо, впрочем, уверенным тоном, – однако, по имеющимся у нас сведениям, ныне граф Бонапартий не состоит, во всяком случае, активно не участвует в деятельности какой-либо из масонских лож России. Но, полагаю, это также следует дополнительно проверить.

– Несомненно, – подтвердил я. – Но, вероятно, не для этого вы просили институтское руководство прислать сотрудников оперативного отдела.

– Конечно. – Губы многоопытного финансиста сложились в усмешку довольно неприятного вида. Примерно с такой обычно произносится коронная фраза при отъеме денег: «Ничего личного, только бизнес». – Семь месяцев назад граф Бонапарт, как я уже говорил, ежемесячно поддерживавший семью немалыми суммами, вдруг начал переводить во Францию деньги просто огромные.

– Можно ли конкретнее? – попросил я.

– За это время он перевел чуть больше миллиона рублей золотом.

– Сколько?! – переспросил я, сомневаясь – то ли в собственном слухе, то ли в акустике кабинета.

– Если быть точным, – отчеканил банкир, – один миллион семьдесят восемь тысяч триста пятьдесят рублей.

– Может, типа, семейные навороты? – неуверенно предположил Лис. – Ну, там, братья в карты проигрались или на скачках...

– Отнюдь, – ухмыльнулся господин Палиоли. – Как вы понимаете, семейство Бонапарте также является клиентами нашего банка, и я имею возможность отслеживать состояние финансовых дел его братьев, сестер и, что скрывать, весьма прижимистой матери.

– И что же?

– Все они занимают неплохое место в обществе, имеют постоянный доход, и с тех пор, как любимая сестра Наполеона, Полина, в очередной раз оставшись богатой вдовой, весьма удачно вышла замуж, никто из них, по сути, не нуждается в русских стипендиях.

– Лишние деньги лишними не бывают, – философски заметил Сергей, знавший толк в финансовых вопросах.

– Несомненно, – чувствуя родственную душу, улыбнулся банкир. – Но эти деньги, судя по нашим сведениям, берутся из секретного фонда русской тайной канцелярии. Как можно догадаться, они не идут ни на имения, ни на экипажи, ни на драгоценности, ни даже на платья красавиц Бонапарте, а эти дамы, поверьте, завязанные модницы. Золото снимают крупными суммами, после чего оно исчезает в неизвестном направлении.

– Вы предполагаете, что они идут на подкуп? – поинтересовался я.

– Возможно. Но кому и для чего?

Я вопросительно поднял вверх брови. Последняя фраза была определенно риторической.

– Может быть, он финансирует заговор против базилевса?

– Но зачем? – скептически отозвался Палиоли. – Смерть Александра Дюма ничего ему не даст. Он не станет новым государем Франции, да и близкие его, по сути, от этого тоже ничего не получат.

– Но, может быть, Наполеон лишь передаточное звено, а на самом деле заговор против не в меру ретивого базилевса финансирует Павел I? Если деньги идут из тайной канцелярии, то, вернее всего, так оно и есть.

– Я думал над этим. Это могло бы быть вполне похоже на правду, когда бы не одно несоответствие. – Резидент устало вздохнул. – У императора Павла масса недостатков: он горяч, жесток и склонен к истерикам. Но у него имеется свойство, которое можно оценивать и так, и эдак: государь всероссийский – неисправимый романтик, он вполне искренне видит себя великим магистром Мальтийского рыцарского ордена, а потому желает воевать как подобает благородному защитнику Гроба Господня – с мечом в руке и открытым забралом.

– Во времена крестовых походов забрало не применялось, – машинально поправил я.

– Вам виднее, – пожал плечами мастер финансовых афер. – Но к делу это не относится. О Наполеоне такого не скажешь, он не упустит случая ударить в спину, если это будет ему выгодно. Во время расследования покушения на Павла Бонапарт возглавлял комиссию тайной канцелярии, и я вполне допускаю, что с тех пор этот любимец императора практически бесконтрольно пользуется суммами ее секретных фондов. Конечно же, он как-то это дело аргу-

ментирует, но, вероятно, не слишком заботясь о возможных ревизиях. Я оставляю вам копии писем, перехваченных нами. Изучите их, может, отыщете что-нибудь важное для дела, во всяком случае, сможете лучше понять нрав вашего будущего подопечного.

Палиоли замолчал, затем, решив, что предыдущая тема исчерпана, заговорил вновь, начав с решительного:

– Теперь о делах насущных. В Санкт-Петербурге вам понадобятся связи в высшем обществе, причем такие, чтобы благодаря им вы смогли неназойливо познакомиться с императорским любимцем и гением русской артиллерии Наполеоном Бонапарте. Как я уже докладывал в Институт, в Вене сейчас имеется особа, которая может предоставить вам соответствующие рекомендации.

– Но она стара и страшна собой, – не замедлил предположить худшее Лис. И в голове моей послышалось сочувственное: – *Ну шо, Капитан, пожимать лапы светским львицам – это по твоей части. Мы ж так, по-простому, подальше от начальства, поближе к кухне.*

– Отнюдь, – в голосе резидента слышалась плохо скрытая мечтательная нотка, – она весьма хороша собой, исключительно обаятельна и едва-едва вышла из поры девичьей юности.

– А вообще-то, Вальдар, – услышав столь лестную рекомендацию, продолжил специалист по хозяйкам постоянных дворов, – *нельзя заикливаться на достигнутом, надо глубже вникать в них, в смысле – в проблемы.*

– *Какие проблемы? О чем ты?* – с тоской отозвался я.

– *Господа, не забывайте, что я могу вас слышать!* – хлестнул по нашим мозгам начальственный окрик Умберто Палиоли. Затем речь его вновь приобрела обычное звучание. – Имя этой красавицы – Екатерина Павловна Багратион, в девичестве – Скавронская.

– О-о... – понимающе протянул я.

– Да-да, – подтвердил резидент, – по отцу она в родстве с Екатериной Скавронской – второй супругой Петра Великого; дядя ее матери – знаменитый Потемкин; муж, как вы, господа, вероятно, догадались, – князь Петр Иванович Багратион, связанный добрым приятельством с нашим корсиканцем.

– Даже так? – удивился я.

– Именно так, – утвердительно кивнул Палиоли. – Во время швейцарского похода Суворова Бонапартий так ловко умудрился приспособить батарею в день сражения у Чертова моста, что заставил бывших соплеменников открыть переправу гренадерам Багратиона. С тех пор они весьма дружны.

– Занятно, – резюмировал я.

– Но это еще не все, – обнадежил меня рассказчик, – мать Екатерины Павловны не так давно снова вышла замуж.

– И кто у нас муж? – радостно процитировал Лис слова известного принца-администратора.

– Граф Юлий Помпеевич Литта, – отчеканил совладелец «Банко ди Ломбарди» с таким пафосом, будто имя соотечественника звучало для него звоном золотых монет.

– Понятно, – кивнул я. – Командор Мальтийского ордена, адмирал орденского флота, а сейчас, если не ошибаюсь, шеф корпуса кавалергардов.

– Именно так, – подтвердил резидент, поглядывая на догорающие свечи. – Остается лишь добавить, что именно Литта привез Павлу I регалии великого магистра и с тех пор пользуется неизменной любовью у государя, чтобы портрет стал полным.

– Да, – протянул я, – эта княгиня – фигура высокого полета.

– Несомненно, – согласился наш непосредственный начальник. – Добавьте сюда еще и то, что с недавних пор она близкая подруга и наперсница супруги эрцгерцога Иосифа Александры Павловны, дочери императора Всероссийского. Вы сами понимаете, насколько высокого полета эта птица.

– Замечательно, – почтительно заключил я. – Но к чему ей какой-то богемский граф? А кроме того, я питаю глубокое уважение к генералу Багратиону и, говоря по чести, не хотел бы заводить интрижки с его женой.

– Насчет этого можете не беспокоиться, – обнадежил Палиоли, – в последние годы князь озабочен разводом с ней и старается держаться подальше от любимой супруги. Дело в том, что при всех несомненных прелестях и достоинствах у княгини есть один маленький, но весьма аристократический недостаток: подобно всем Скавронским, эта особа не ведает счета деньгам. Она, ее мать и сестра уже давно промотали казавшееся несметным наследство именитых предков. Для того, чтобы Екатерина Павловна смогла выехать из России, князь Багратион был вынужден продать имение и погасить ее многочисленные долги. Но здесь эта прекрасная дама успела наделать множество новых. И хотя, по моим сведениям, она является негласным дипломатическим агентом российского правительства, суммы, которые ее светлость получает, смехотворны в сравнении с ее расходами. Так что, я полагаю, ей будет о чем пошебетать с графом Турном или же, если хотите, с его кошельком.

Я невольно отвернулся, чтобы скрыть досаду. Кому приятно слышать, что возвышенной прекрасной даме нужны от тебя не преданность, не любовь, не верная дружба, а нарезная бумага в цветных разводах и кругляши из металла, объявленного драгоценным.

– Однако, господа, время позднее, – банкир взял стоявший на столе колокольчик и требовательно потряс им, вызывая дворецкого, – я имею честь откланяться. Помните, завтра бал, смета его уже утверждена. Если хотите, поутру мой курьер доставит ее вам.

– Конечно, хотим, – восторженно воскликнул Лис. – А как насчет всяких надбавок и подъемных для налаживания отношений и качественного охмурения?

– Обговорим, – скороговоркой бросил финансист. – Главное, помните: княгиня приглашена, и завтра вы должны произвести на нее неотразимое впечатление.

– Легко сказать, – с сомнением заметил я.

– Война с Францией вот-вот начнется, – снова нахмурился резидент, – так что, сами понимаете, у нас нет ни времени, ни возможности устраивать эпопею с серенадами и терзаниями души. Вы не должны задерживаться в Вене, здесь вас могут случайно опознать.

Я тяжело вздохнул, демонстрируя согласие и понимание.

– Вот и славно. А теперь счастливо оставаться, меня еще ждут дела.

Дворецкий, образовавшийся из темноты в дверном проеме библиотеки, с подобострастным поклоном объявил, что экипаж его превосходительства коммерц-советника подан, и чопорный резидент, едва кивнув своим «давним приятелям», наконец покинул нас к вящей радости всего имеющегося в наличии оперативного состава.

– А еще говорят, итальянцы – пылкие, веселые люди, – глядя вслед удалившемуся гостю, прокомментировал Сергей. – Бессовестно врут! Не, Капитан, бывают в жизни огорчения. Я уж было раскатал губу: дворцы, экипажи, денег полная лопата... Мадам, месье, скажите, князь, милейший барон, а не соизволили бы вы пойти сексуально-пешеходным маршрутом...

– Сергей, – поморщившись, оборвал его я.

– Да не, я только в том смысле, шо сюда бы, скажем, Мишеля Дюнуара из отдела мягких влияний или, опять-таки, твоего крестного дядюшку лорда Барренса... а то этот позор итальянского народа кумарит меня по полной программе.

– Во-первых, Ломбардия – не совсем Италия. Она была заселена лангобардами, а те, в свою очередь, выходцы из Скандинавии, а во-вторых, без ложки дегтя эту бочку меда записали бы нам как очередной отпуск, так что грех жаловаться. А посему, я полагаю, стоит принять ванну и... как ты говорил? Лучшая подруга – мягкая подушка?

– Ва-ан-на... – мечтательно протянул Лис, изображая на лице задумчиво-возвышенную гримасу, – шарман, блин.

Засыпая, я требовал у своего подсознания яркий, почти вещий сон о грядущем бале, о том, как в зажигательной мазурке я, зазывно поводя бровями, пленяю русскую красавицу, о том, как промозглый ноябрь сам собой сменяется маем. Ведь какие же страстные признания, когда в увитой виноградом беседке, гоняя сор, гуляет ветер, а соловья даже из-под палки не заставишь пропить и пары амурных рулад. Но договориться с Морфеем не удалось, и он, очевидно, принимая в расчет, что не родился еще на венской земле Зигмунд Фрейд, словно туза из рукава, снова выкинул батальную сцену, разыгравшуюся сегодня на холмах Австрии.

Вот придорожный лес, пугающий голыми остовами деревьев, неожиданно-негаданно взорвался вспышками ружейных выстрелов, вот барабанная дробь отмерила такт шагов сомкнутого каре, вот оцетинившийся штыками строй, ускоряя ход, ринулся в неудержимую атаку на обломки кареты, вдруг превратившейся в укрепленный редут.

– Мой генерал, пушки готовы к бою! – послышался у самого уха голос лейтенанта де Сен-Венана.

– Что? – Я обернулся, вздрогнув от неожиданности.

Лейтенант стоял передо мной, запахнувшись в серый плащ, из-под которого виднелся красно-бело-зеленый мундир конных егерей. Его руки были заложены за спину, и тяжелый взгляд, бросаемый на выжженную прерию из-под выгоревшей треуголки, был мрачен и угрюм.

– Нельзя атаковать плотный строй пехоты, не обработав его хорошенько артиллерией, – подняв на меня пронизывающие черные глаза, изрек офицер, а затем рывком сдернул завитые усы, и я тут же узнал в нем повзрослевшего лет на десять Наполеона Бонапарта из корпуса Лафайета. – Пли!

Грохот пушечного залпа заставил меня вновь ошарашенно поглядеть на старого знакомого. Вместо привычного орудийного рева, от которого грозят лопнуть барабанные перепонки, это был какой-то дребезжащий звон, точно кто-то случайно уронил канделябр. Канделябр?! Я дернул головой и открыл глаза. За стеной кто-то тихо выругался: «Доннер веттер!»⁶

– Лис, это ты? – Я активизировал связь.

– *Шо, Капитан, замстить решил?* – спустя несколько мгновений возмущенно прошипел Сергей. – *Конечно, я. А ты кого думал заставить?*

– *Ну, слава Богу, а то я думаю: кто там ходит?*

– *Вальдар, ты часом не переохладился? Шо я, лунатик – посреди ночи по дому шастать?* Сплю я.

– *Погоди, не шуми. За стеной вроде кто-то ходит.*

– *Ну, кто-то ходит, велика беда. Кошка, может быть. Тараканы. Часы. Привидения опять же...*

– *Вряд ли привидения, столкнув что-то тяжелое, ругаются по-немецки.* – Я прислушался к собственным ощущениям. – *Точно по-немецки. Кстати, к тараканам это тоже относится.*

– *Да-а...* – Голос Лиса звучал встревоженно и уже значительно бодрее. – *Сейчас буду.*

Я откинул одеяло и, стараясь не создавать лишнего шума, уселся на кровати. Шелковый балдахин нависал над широким ложем, превращая его в отдельный мир, отгороженный от житейских невзгод полупрозрачной кисеей. Тихие крадущиеся шаги за стеной не прекращались. В щель под дверью узким лучиком скользнул отблеск света, какой обычно дает потаенный фонарь, когда человек, держащий его, поворачивается на месте.

Шаги стихли, а вместо них послышался шорох бумаги. Мои глаза уже достаточно привыкли к темноте, чтобы без труда разбирать контуры окружающих предметов. Едва дыша, я осторожно протянул руку к изголовью кровати, за которым, по укоренившейся привычке, была спрятана шпага. Случаи всякие бывают, а уж если ничего не случится, рассказывают, что хлад-

⁶ Черт возьми!

ное железо хорошо помогает от злых духов. Отточенный клинок мягко вышел из ножен. Ощув в ладонях холод рукояти, я тихо поднялся и крадучись начал приближаться к двери, ведущей в кабинет.

– А ну стой! – Лис возник в разделявшей нас комнате на секунду раньше меня.

Лающий хлопок пистолетного выстрела был ему ответом.

– Стоять! – Я ударом ноги распахнул дверь и, резко наклонившись, чтобы не получить шальную пулю, ворвался в кабинет.

Черная тень метнулась к приотворенному окну и, с силой толкнув створки, ухнула вниз.

– Ни фиги себе призрак! – Дверь соседних покоев приоткрылась, на пороге во весь свой немалый рост появился Лис с карабином наперевес. – В гробу я его видал! Где он, Капитан?

– В окно выпрыгнул, гад! – с досадой изгибая клинок шпаги, процедил я. – Высоко здесь, считай, третий этаж, небось ноги переломал.

– У, скотина, чтоб ему тухлыми носками на собственной свадьбе подавиться! – цветисто выругался Лис. Затем, остановившись, хлопнул себя по лбу. – Хрен он себе ноги поломал! Под нами колонна с козырьком! – Он рывком подскочил к окну, стволом карабина выискивая ускользящую мишень. – Ну, где ты, где ты? Покажись! Ага, вон, побежал, хореk падлючий. – Сергей аккуратно приложил орехового дерева приклад к плечу. – Ну-ка остановись, мгновенье! Давай-ка, роднуля, покажи-ка мне, как ты по заборам скачешь.

Конец последней фразы совпал с хлопком выстрела.

– Есть контакт! – жестко выдохнул стрелок. – Завалился, голубь сизый.

Вот в этом я нисколько не сомневался. На моей памяти еще не было случая, чтобы Лис, стреляя из чего бы то ни было, промахнулся.

– Ну шо, Капитан, пошли собирать добычу.

Слуги с зажженными свечами робко жались на площадке парадной лестницы, не решаясь заходить в кабинет, из которого слышались выстрелы.

– Ну, шо стоите? – набросился на них Сергей. – Вперед-вперед, дорогу освещать будете. Бардак в хозяйстве! Дом не охраняется! Ворье гуляет, шо на площади! Заходи кто хочешь – бери шо хочешь!

– Лис, – напомнил я напарнику, – нам бы что-нибудь надеть. Непристойно, знаешь ли, в одних подштанниках дворянам по столице бегать. Да и ноябрь все-таки.

– А если уйдет? – с сомнением поглядел на меня Лис. – Может, я его только подранил?

– Если подранил, значит, счастлив его воровской бог, – резюмировал я. – Но это не повод, чтобы мерзнуть и вести себя непристойно.

Привратник, маявшийся у ворот с дедовским протазаном в руках и испугом в глазах, немедленно оповестил господ, что в доме стреляли, но, споткнувшись о взгляд Лиса, обалдевшего от подобного заявления, молча принялся отворять ворота.

– М-да... Живой он мог бы нам поведать, кто его послал, – разглядывая дыру в основании черепа, заметил я.

– А шо тут ведать? – возмущенно пожал плечами Лис. – Вор как вор. А ну-ка, кто тут побойчее? – Деловитый секретарь оценил взглядом замерших в нерешительности лакеев. – Давайте-ка мотнитесь за полицией, да побыстрее окороками вращайте! Не видите, что ли, тело мерзнет! – Он наклонился к трупу и начал ощупывать карманы его одежды. – Кажется, ничего попятить не успел. Эй, ты, с топором! Я тебе говорю! Охраняй тулово, пока блюстители не набегут. Ну что, отец родной, – Лис обратился ко мне, – пошли спатоньки. До утра еще далеко. – Он отобрал у лакея один из шандалов и, бормоча под нос нелестные эпитеты по поводу цивилизованной страны, где днем разбойничают на дорогах, а ночью грабят дома, зашагал вперед.

– Может, все-такиждемся полиции? – предложил я, когда мы вошли в кабинет.

– Ты шо, – Лис старательно закрыл окно, – думаешь, они до утра заявятся? Успеем отоспаться. А труп уже вообще свое отбегал.

Я подошел к открытому секретеру и поднял лежавший на полу канделябр, недавно разбудивший меня своим падением.

– Бедолага, что, интересно, он тут искал?

– Карту сокровищ Флинта, – недовольно предположил Лис. – Что еще он мог искать? Деньги, конечно!

– Золото на месте, – сообщил я, снова закрывая на ключ дверцу резного шкафчика. – Постой! – Ключ выпал у меня из рук. – Здесь на секретере лежали копии писем Наполеона. Ты их не трогал?

– Сбрендил, что ли? – возмутился Лис. – Когда?!

– Писем нет, – озадаченно глядя на пол и за секретер, заключил я. – Отпуск обещает быть запоминающимся.

Глава 5

Господь любит веселье, просто не все понимают его шутки.
Епископ Адриен Ваннский

Покрытое зеркальным лаком палисандровое дерево секретера отблескивало тусклым светом, отражая колеблющуюся тень дрожащего на фитилях пламени.

– Ну вот, ядрена Матрена! – Раздосадованный секретарь нашего сиятельства уселся прямо на стол, едва не зацепив бронзовую чернильницу. – Кажись, влипли.

– Ты хорошо обыскал нашего застенчивого визитера?

– Ни фиги себе застенчивый! – возмутился Лис. – Скажи лучше, «застеночный»! Я понимаю, шо он никак не решался сказать нам «здрасьте!», но если бы я, как нормальный человек, открыв дверь, сунулся вперед, то я бы не успел прошептать тебе «до свидания!». Дырка, которую этот хрен криминальный проделал в брюхе у ангелочка над моей койкой, была бы аккурат посреди лба у вашего покорного слуги.

– Так все-таки было ли у него с собой что-нибудь?

– Да ничего у него не было! – резко отозвался Сергей. – В кармане вошь на аркане! Был бы жив, я бы ему из жалости пару грошей сунул, чтоб с голоду не подох. Даже шпалер, из которого он в меня целил, и тот здесь валяется. – Он ткнул сапогом лежащий на полу небольшой пистолетик.

– Где? – отозвался я, глядя туда, куда указывал мой друг. – А ну-ка дай сюда. Какая интересная вещичка!

– Шо ж в нем такого интересного? Ствол как ствол, – не унимался в своей досаде невыспавшийся борец с австрийской преступностью.

– Ствол хороший, кажется, работы мастерской Лепажя. Стоит немалых денег. Но – забавная штука получается – такой же точно пистолет мне сегодня видеть доводилось. Вернее, – я посмотрел на циферблат стоящих на камине массивных часов, – уже вчера.

– Где? – хмуро бросил Лис.

– На дороге, в карете Сен-Венана.

– Не понял, – удивленно проговорил мой друг. – Шо это еще за номер?

– Бери-ка лучше свечи, давай пройдемся по парку. Может, наш странный визитер обронил бумаги, пока бежал?

– Или когда прыгал. – Лис с шандалом в руках подошел к окну. – Нет, тут на крыше пусто.

– Ладно, пошли. По дороге поделишься своими высокомудрыми соображениями.

Осенний парк был пуст. Лишь вечнозеленые голубые ели, выстроившиеся караулом от въезда во двор до самого крыльца, с удивлением поглядывали на наши уныло бредущие фигуры с фонарями в руках. Легко было Диогену, искавшему подобным образом человека, да еще и белым днем, нам же, чтобы убедиться в бесплодности поисков, увы, понадобилось не менее часа.

– Пистолетов, как я уже говорил, вероятно, было два, – пытаюсь согреться беседой, излагал я Лису. – Если память меня не подводит, тот, что у нас, – один из этой пары. А значит, возможны следующие варианты: это тот пистолет, что был в карете, или же его родной брат. Такое оружие делается на заказ в единственном экземпляре. В любом из этих случаев получается, что вчерашние бандиты, или бандит, вернулись к месту схватки до приезда жандармов и решили продолжить свои неудачные поиски депеши, которую вез де Сен-Венан. Вероятно, преступники выследили нас, когда мы выезжали из дома полицей-президента, а стало быть, искали они не деньги и драгоценности, а именно бумаги, но по ошибке захватили не те, а другие.

– Ну, это если они знали, что в депеше.

– Резонно, – согласился я. – Но как бы то ни было, здесь писем нет.

С грустью убедившись в этом непреложном факте, мы перенесли свои поиски за ограду, где у распластавшегося на земле тела все еще сиротливо переминался с ноги на ногу привратник, пытаясь отгородиться от ночных кошмаров не точенным с моментаковки протазаном.

– Ну что, боец, как служба? – отечески хлопая неусыпного стража по плечу, осведомился Лис. – Мертвец не тревожит?

– Ник-к... нет, – перекосившись от упоминания о трупе, промямлил сторож.

– А скажи мне, храбрый воин, – переходя на эпический тон, измывался Лис, – когда в доме началась пальба, что, интересно, делал ты?

– Как велено, – вяло отбивался привратник, – ворота охранял.

– Ага! – деланно хлопая себя по лбу, точно вдруг уразумев суть происходящего, спохватился Лис. – Значит, ты стерег ворота, чтобы злой ворог их не похитил! И это правильно. Ты молодец, герой, неистовый Роланд! А скажи-ка мне, кандидат в фельдмаршалы, какова же была обстановка на вверенном тебе участке фронта?

– Чего-с изволите? – Ночной сторож был близок к истерике.

– Идиот плюгавый! Вахлак байстрючий! Я очень изволю желать узнать, что творилось по эту сторону забора в то время, как по ту нам пришлось перестреливаться с каким-то гадючим ворьем?

– Не могу знать, – пролепетал охранник, бледнея все больше. – Я с поста не уходил.

– Оставь его, Сергей, – окликнул я друга, – ему действительно запрещено покидать пост, кроме как по хозяйскому зову. А из сторожки эта часть улицы не видна.

– На это урки и понадеялись, – сплюнул Лис.

– Вот здесь, – продолжил я, – на земле следы подков. Судя по всему, две лошади.

– Ну, это, может, кто-то и днем твоими хоромами любовался. После того, как дождь кончился, мало ли кто наследить мог?

– Возможно, – садясь на корточки и поднося фонарь к самой земле, медленно продолжил я, – но лошади стояли здесь довольно долго: видишь, как натоптано?

Лис подошел ко мне и уставился на измятую следами подков землю.

– Да... Похоже, умчались наши бумаги в беспросветную мглу. Поди их теперь разыщи.

– Дело, конечно, непростое, но если понять, кому и зачем это было нужно...

– Вот и понимай! – Лис резко выпрямился. – Ты у нас умный, тебе и карты в руки.

Если бы не хорасанский ковер, глушивший шаги желчного потомка лангобардов, их можно было бы принять за стук плотницких молотков, подгоняющих доски на помосте эшафота.

– Я хочу знать, кому и зачем это было нужно?! Вы слышите меня?! Кому и зачем это было нужно?!

В моем сознании эта фраза сегодняшним хмурым утром повторялась столько раз, что я невольно передернулся, услышав ее вновь.

– Думаю, все дело здесь в фигуре лейтенанта де Сен-Венана, – поделился я своими соображениями. – Он скрывал свое имя, выдавал себя за негоцианта, ничего не смысля в купле-продаже...

– Эт точно! – подтвердил Лис. – Если бы не я, он бы свое ландо совсем за бесценок продал.

– К делу это не относится, – прервал его маэстро Палиоли.

– Он ехал из Франции в Австрию и, невзирая на то, что между странами лишь зыбкое перемирие, не запасся должными пропусками. Полагаю, необходимо выяснить, кем был этот де Сен-Венан и что он вез. Тогда мы, вероятно, пойдем, кто за ним охотился.

– С шифром пока ничего не выходит, – скривился резидент. – Система простенькая, любой школьник о ней скорее всего слышал, но все же от этого она не менее эффективна. Как вы сами вчера могли видеть, листы исписаны сериями чисел. Каждая серия – три числа. Одно из чисел означает страницу, второе – строку, третье – номер буквы. Однако не зная, из какой книги взяты эти строки, прочитать текст почти невозможно, поскольку повторяющихся комбинаций нет и не может быть. Причем необходимо знать не только название произведения, но и год издания, и место, где книга была напечатана.

– А вдруг это контрразведка Дюма охоту на нас открыла? – неуверенно предположил Лис.

– Возможно, что и так, – с сомнением проговорил дон Умберто. – Но кто мог послать зашифрованное сообщение Бонапарту? Почему таким странным образом? И отчего не через наш банк? Все это необходимо узнать как можно скорее. – Он опустил ладонь на столешницу тем жестом, которым ставят печать на указе о смертной казни.

– Мне вот что представляется, – стараясь хоть как-то успокоить высокое начальство, вновь заговорил я. – Наверняка те, кто охотился на Сен-Венана вчера на дороге, и похитители ночью в этом особняке – одна группа. Я уверен, они знают, к кому направлялся убитый гонец, а следовательно, обнаружив у нас бумаги, относящиеся к Наполеону и его семье, могут принять их за ту самую депешу, которую вез лейтенант королевской гвардии. Или же, если они точно знают, что в пакете была шифровка, проникнуться мыслью, что наша встреча с де Сен-Венаном в Холлабруне была не случайна, и мы также посвящены в тайну переписки Бонапартия и его французских корреспондентов. В любом случае похитители должны будут заинтересоваться нашими персонами.

– Занятная перспектива, – криво усмехнулся Лис.

– Полагаю, живыми мы будем для неведомых конкурентов ценнее, чем мертвыми, – поспешил я утешить друга.

– То-то они Сен-Венану лекарство от кашля прописали! – Лис тяжело вздохнул.

Дверь кабинета приотворилась, и чопорный дворецкий, поклонившись господам, обратился к Лису так, будто сообщал об открытии Америки:

– Господин управляющий, мне велено было уведомить, когда прибудет вино для нынешнего бала.

– Ваше превосходительство, – Лис склонил голову, – мой граф. Прошу извинить, что я оставляю вас буквально в минуту скорби, но меня ожидают неотложные дела по хозяйству. Фигня – война, главное – маневры!

Подготовка к вечернему балу должна была занять все имевшееся время, ибо смысл устройства празднеств для организаторов их во многом и состоит в тех самых предуготовлениях, которыми сопровождается ожидание радостного торжества. Как бы ни был ярок и красочен бал, как бы ни блистали красотой и брильянтами очаровательные дамы, как бы ни были элегантны кавалеры, ожидание и предвкушение чего-то волшебного опьяняет не меньше, чем подаваемое к столу вино. Все эти суетливые и зачастую абсолютно бесполезные действия вроде одобрения работы драпировщиков, инспектирования занятых готовкой кулинаров и торжественный разгон, устраиваемый домашней прислуге, – не что иное, как ритуальное жертвоприношение богу Радости. Языческое поклонение ему, должно быть, в крови у человека, и кому бы он ни молился в урочные часы, мало кто забывает принести жертву на этот никогда не пустующий алтарь.

Честно говоря, я не любитель балов. У нас в Англии они настолько расписаны по ролям и предсказуемы, что более всего напоминают порядком надоевшие спектакли, где, опоздав на любой акт, безошибочно можно сказать, что здесь было прежде и что будет далее. Но что самое противное, на тех немногих балах, которые мне довелось посещать в командировках по

иным мирам, мне отчего-то не хватало именно этой чопорности и предсказуемости. Однако к сегодняшнему балу моя любовь или нелюбовь отношения не имели.

Устройство подобных увеселений было священным долгом и почетной обязанностью высшей аристократии, к которой я имел честь принадлежать. Кроме того, где же еще знакомиться заезжим божьим графьям с ветреными российскими княгинями, как не на балу? А без знакомства отправляться в гости к северной красавице – абсолютный моветон.⁷

Как бы то ни было, настроение, испорченное ночным происшествием, еще не забытым в предпраздничной суете, удалось окончательно доконать явлением полицейских ищеек. С пристрасно-внимательным видом обойдя дом, сад и часть улицы по ту сторону ограды моего особняка, они изобразили на лицах подобающую им по роду службы подозрительность и начали расспрашивать меня и Лису о деталях происшедшего.

– Что же пропало? – Этот вопрос, казалось, волновал полицию куда больше, чем личность и местонахождение преступников.

– Бумаги личного свойства, – заученно повторял я.

– Что в них содержалось? – не унимались ищейки.

– К поискам это не имеет ровно никакого отношения, – безбожно кривил душой я.

– Что же мы должны искать?

– Не что, а кого! – не замедлил возмутиться я. – Ваше дело – найти похитителей. Все остальное – наша забота.

– Ваше сиятельство забывает, что он живет в стране, где существует закон, – пытаюсь сохранить важный вид, провозгласил полицейский.

– А вы, сударь, – резко ответил я, – забываете, что живете в стране, где имя графов Турн значит не меньше, чем какие-то пункты и параграфы! – Я спешил продемонстрировать крутой нрав, присущий, согласно Лисовым байкам, всем представителям рода Турнов. – Отыщите преступников и получите щедрую награду. Если же нет, я попрошу господина полицей-президента, моего доброго знакомого, чтоб вас без выходного пособия выгнали мести улицы.

– Мы выясним у наших агентов, – раскланиваясь подчеркнуто официально, сообщил начальник розыскной бригады. – Узнаем, не видел ли кто чего подозрительного в округе, не пытался ли кто-нибудь продать ваши таинственные бумаги. Но, ваше сиятельство, позвольте заметить, не ведая мотивов, которыми вызвано столь дерзкое ограбление, весьма сложно отыскать преступника, поэтому не стоит надеяться на удачный, во всяком случае, скорый исход этого дела. И я очень прошу вас, господин граф, если вдруг кому-то вздумается шантажировать ваше сиятельство, не считите за труд сообщить, ежели желаете, вашему другу господину полицей-президенту. Но лучше мне, в криминальную полицию. Всегда к вашим услугам, – носатый, похожий на таксу сыщик приложил два пальца к шляпе, – меня зовут Протвиц, Йоган Протвиц.

– Непременно, – кивнув, пообещал я, немедля выбросив из головы и обещание, и невесть зачем названное имя.

– Ну шо, – поинтересовался Лис, когда следственная бригада удалилась, оставляя хозяев наедине с полотерами, мебельщиками и прочей снующей из конца в конец особняка челядью, – как тебе понравился этот доморощенный Нат Пинкертон?

– Никак, – пожал плечами я. – Очередной мозгляк, пытающийся удивить мир своей невиданной проницательностью, которой наверняка нет и в помине. Почему ты спрашиваешь?

– Не нравится он мне, – печально вздохнул Сергей, глядя вслед удаляющимся полицейским.

– Отчего вдруг?

⁷ дурной тон.

– Взгляд у него цеплючий, шо те репяхи на коровьем хвосте, – помедлив, высказался мой напарник. – И сам он на таксу похож.

– Ты тоже заметил? – усмехнулся я.

– Что тут не заметить? – удивленно хмыкнул Лис. – Ему только хвоста не хватает, а так – вылитая такса!

– Что ж, как мужчина мужчине я могу ему только посочувствовать.

– Капитан, – Лис печально вздохнул, – ты только правильно меня пойми, но как бы нам не пришлось сочувствовать.

– Ты это о чем? – удивился я.

– Такса – собака, выведенная для охоты на лис. Я задничным мозгом чувствую, шо лучше нам эту ошибку естественного отбора у себя на хвосте не иметь.

– Сергей, ну что за глупости? – Я удивленно поглядел на заметно приунывшего друга. – Чего нам опасаться? Легенда у нас отработанная, документы – лучше настоящих. Если вдруг что еще понадобится – сделаем. Не грусти! К тому же нас ожидает бал.

– А я и не грущу. – Лис досадливо почесал затылок. – Но сдается мне, этот криминалист и без отпечатков пальцев и проб слюны на ядовитость может нарыть слишком много лишнего.

Едва только солнце, показавшееся было в небе коротким осенним днем, окрасило заревом белые вершины Альп, особняк графов Турн гостеприимно распахнул кованые ворота перед венской популяцией светских львов и львиц. Приглашенный на роль распорядителя танцев французский эмигрант маркиз де Моблен, долгие годы служивший в этом качестве при дворе Людовика XVI, невзирая на свой преклонный возраст, имел летящую походку и грацию пастушка из версальского балета, какие были в ходу еще во времена Короля-Солнце. Его легкая, почти невесомая фигура порхала то здесь, то там по залу, где вскоре должны были зазвучать польки и менуэты, где озорная мазурка должна была сменяться величавым полонезом, вымеривая кружением и подпрыгивающими шагами длину и ширину места предстоящего действия. В отсутствие музыкантов эти странные танцы выглядели нелепо, чтобы не сказать – безумно, но в этом деле мне оставалось лишь положиться на богатейший опыт человека, с молодых ногтей организовывающего придворные увеселения.

И вот наконец в парковых аллеях зажглись упрятанные в хрустальные шары свечи, пламя их, дробясь в бесчисленных гранях, приветливым мерцанием встретило первые кареты, въезжающие во двор особняка.

– Их высочества принц и принцесса Гогенлоэ! – потрясая жезлом, возглашал одетый в золоченую ливрею дворецкий. – Его светлость герцог Варбургский с дочерьми! Его светлость пфальцграф фон Цвейбрюкен-Ланцберг!..

Я встречал гостей у входа в дом, любезно кланяясь и приглашая в музыкальный салон, где уже звучала «Волшебная флейта» Моцарта.

– *Капитан, шо там щас про брюки лягнули?* – послышался в моей голове голос умильно-медоточивого Лиса, придерживавшего дверь поднимавшимся дамам и сыпавшего верхнебогемскими комплиментами, которые, к счастью, благовоспитанные красавицы не могли перевести на свой родной язык. – *Их там две пары, или я шо-то не врубился?*

– *Сергей,* – оскорбился я, – *это старинный аристократический род, между прочим, в родстве со шведскими королями.*

– *Ах, в этом смысле!* – не унимался язвительно настроенный Лис. – *Некисло, должно быть, иметь в родне пару брюк. Слышь, а Ланцбергу, у которого бакштаг звенит, как первая струна, они тоже родственники?*

– *Вот уж не знаю,* – с сомнением отозвался я, пытаюсь сообразить, как может звенеть подобно струне курс судна относительно ветра.

– *Если родственники, то уважаю.* Господин хороший, проходите наверх, скидывайте шубу, если у вас ее здесь не попрут, то на выходе получите ее обратно, хотя лично я вам гарантий не дам. Потому как тут и не такое стибрить могут!

Осанистый пфальцграф, казалось, только-только сошедший с полотна в золоченой раме, блестел множеством драгоценных звезд и крестов, которые иному полководцу не получить и за всю жизнь. Не понимая ни слова на языке, привычном для Лиса, он лишь согласно кивнул и расплылся в улыбке.

– Их сиятельства граф и графиня Понтолеоне!

– *О, брюки кончились, панталоны пошли!* – снова возрадовался мой бесшабашный секретарь. – Но вы, ребята, не огорчайтесь, со всяким может случиться, почувствуйте себя как дома. Мы гостям хорошим рады – вытирайте ноги, гады!

– Ее светлость княгиня Багратион!

– *Капитан, ты глянь, какая хорошенькая пошла!* Мадам, за такую талию я б покорил Италию!

Я замер с полуоткрытым ртом, ожидая звонкой оплеухи. Из-за фривольной шутки моего напарника та, ради которой и устраивалось сегодняшнее ночное веселье, вполне могла оскорбленно развернуться и навсегда покинуть и особняк Турнов, и наши оперативные разработки.

– Благодарю вас, мсье, – на прелестнозвучном языке Державина проговорила красавица, мило улыбнувшись. – Но, помнится, эта страна и так уже принадлежит дому Габсбургов. И все же, – не убирая обворожительной улыбки с чувственных губ, проворковала она, – если у меня появится необходимость в таких завоеваниях, я не премину напомнить вам о сегодняшнем обещании.

– А... – Сдавленный выдох моего друга, как красная лампочка за хоккейными воротами, неумолимо свидетельствовал, что ответные слова попали точно в цель.

– *Лис! Придержи язык! Это же и есть Екатерина Павловна Багратион.*

– *Шо, правда? А предупредить было нельзя?*

– *О чем предупреждать?! Дворецкий же объявляет!*

– *Ну да, где-то так,* – вынужденно согласился дамский угодник. – *А, по фиг дым! По-моему, этой подружке даже понравилось. В конце концов, нечасто встретишь на чужбине такого замечательного, не побоюсь этого слова, представителя родного отечества, с которым можно повдыхать его дым, покалякать на родном языке и попросту обсудить, как там царь... В общем, если ты еще не готов к решительному штурму, то я, так и быть, приму удар на себя...*

– *Что за ерунда?* – возмутился я.

– *Э-э-э, Капитан, еще рано выходить из окопов на амурном фронте. Отвлекись на лестницу, там какой-то почетный звездочет со своей Большой Медведицей идет.*

– Его превосходительство барон фон Шолленфельд с супругой, посол его величества короля Баварии...

Замысловатые фигуры котильона следовали одна за другой к великому удовольствию порхающего среди залы маркиза де Моблена и его помощников. Закаленные балами танцоры и танцовщицы, сменяясь во главе колонны, расходясь и сходясь в изящных па, кружась, подавая друг другу руки и склоняясь в церемонных, полных величия полупоклонах, не нарушали своей неловкостью его грандиозных замыслов.

Наконец старинные, а потому изрядно набившие оскомину танцы закончились, уступая место новомодному вальсу, считавшемуся среди утонченных знатоков этикета верхом непристойности и простонародного вкуса, а потому столь желанному на всех танцевальных вечерах вне стен императорского дворца. Не имея ни желания, ни возможности медлить, я направился туда, где, обмахивая себя экзотическим для венского света веером из вологодских кружев,

восседала ослепительная госпожа Багратион. Судя по всему, мне следовало поторопиться, поскольку возле княгини уже бесцеремонно топтался какой-то плешивый увалень. Причем, насколько я мог видеть, не слишком приятной беседой отвлекавший ее светлость от мыслей о танцах.

– Лис, – вызвал я напарника, – *рядом с Екатериной Павловной стоит некто и мешает мне пригласить ее на вальс. Будь добр, отведи его в буфет, что ли, или к ломберному столу. Пусть в карты сыграет, можешь ему проиграть монету-другую.*

– *Капитан, меньше слов – дешевле телеграмма. Щас все организуем!*

– ...И помните, сударыня, я скупил ваши закладные и векселя, все до единого, а потому в ваших руках дать мне счастье до конца дней, в моих же – сделать вас несчастной.

– Прошу прощения, – я появился из-за плеча собеседника госпожи Багратион, заставляя того чуть отступить, – я вынужден прервать вашу беседу. Здесь танцуют, потому на правах хозяина дома я похищаю вашу обворожительную собеседницу.

Одарив толстячка со звездой святого Леопольда на груди абсолютно им не заслуженной обаятельной улыбкой, я подал руку Екатерине Павловне, и та с радостью вложила в мою ладонь свои длинные тонкие пальчики.

– Но... Э?!

– А что, дружище, не хряпнуть ли нам по кварте пива? – раздался позади нас дипломатично-вопросительный голос Лиса. – Ну, в смысле – вина.

Дальнейшее нам услышать не пришлось, поскольку чарующий вальс уже кружил нас в своих безнравственно-тесных объятиях.

Честно говоря, ловко отбив прекрасную даму у неведомого зануды, я напрочь потерялся, не зная, с чего начать разговор, а потому молча пожирал глазами живые, зазорные черты княгини Багратион, ее каштаново-золотистые локоны, скользющие у виска в такт вращению.

– О чем вы не решаетесь меня спросить? – первой заговорила Екатерина Павловна. – Хотите узнать, что за гиппопотам пытался испортить мне сегодняшний вечер?

– Сударыня, – переходя на русский и стараясь говорить с ощутимым акцентом, начал я, – в том, что вы сказали, самая важная часть именно та, где говорится про вечер. А далее, лишь скажите...

– И вы убьете его! – с насмешкой проговорила княгиня. – Не бахвалитесь, граф, ничего вы с ним не сделаете. Впрочем, о вас в Вене уже ходят слухи, вы, говорят, опасный человек. Говорят, нынче ночью вы застрелили некоего карбонария, искавшего убежища в этом доме.

– Что за ерунда? – возмутился я, поражаясь причудливости сплетен, распространившихся за день по столице. – Во-первых, это был не карбонарий, как вы изволили выразиться, а обычный вор. Во-вторых, он не искал здесь убежища, а наоборот, пытался скрыться с добычей, а в-третьих, его убил не я, а мой секретарь.

– Тот самый, который обещал завоевать Италию? – вновь с легкой насмешкой спросила княгиня, но мне отчего-то показалось, что в тоне ее звучало скрытое разочарование. Должно быть, при всей своей экзотичности мысль отправить владельца неоплатных векселей к праотцам крепко засела в очаровательной головке.

Не желая расстраивать прекрасную даму развенчанием собственного кровожадного образа, я поспешил добавить словно между прочим:

– Правда, вчера по дороге в Вену нам пришлось прибегнуть к оружию, но в опасности была жизнь дамы.

– И что же? – В голосе княгини Багратион снова послышался нескрываемый интерес.

– Двое пали от моей руки, и еще двоих уничтожил, как вы, должно быть, уже догадались, ваш соотечественник и мой добрый друг.

– Итак, пять человек за день, – подытожила красавица. – Совсем недурно! И что же, каково оно – убивать людей?

– Сударыня, – добавляя романтической печали в голосе, вздохнул я, – я офицер, и убивать людей – часть моей профессии. Но должен вам сказать, что каждый раз, когда я вынужден лить кровь солдат, даже вражеских, с горечью вспоминаются те, кто вырастил и любил несчастного, судьбою обреченного на смерть. Если же речь идет о моих солдатах, то сердце мое и вовсе обливается кровью при мысли о гибели любого из них. А те, что были вчера, – разве это были люди? Так, пустое... Шваль! Разбойники!

– Но ведь они тоже были людьми. Быть может, их толкнули на преступление голод и нужда. – Княгиня пристально взглянула мне в глаза.

– Что ж, со вчерашнего дня голод их уже мучить не будет. Впрочем, как и нужда. В конце концов, не я, а Господь когда-то сотворил всемирный потоп, а ведь его никто не упрекает в жестокости.

– Те, кто мог бы упрекнуть, на дне морском.

Музыка стихла, и скрипачи изящным росчерком подняли смычки, завершив последний аккорд. Я, вновь раскланявшись, повел княгиню к ее месту, обещая при первой же возможности продолжить начатый разговор. Толстяка со звездой святого Леопольда у дамских кресел уже не было. Вероятно, моему другу, способному под настроение уговорить даже скифского идола, удалось замкнуть на себе внимание назойливого поклонника. Я снова поклонился, собираясь промолвить дежурный, но еще не затертый комплимент очаровательному объекту разработки, но тут у самого моего плеча раздалось звонкое:

– Вы убийца, граф! Негодяй и убийца!

Глава 6

*Для умной женщины мужчина – не проблема,
Для умной женщины он – ее решение.*
Сари Габор

Грянувшее *allegro moderato*,⁸ как ведро воды – первый огонек пожара, погасило искру готового вспыхнуть скандала. Лишь я да те несколько человек, которые находились поблизости, слышали обвинения, раздавшиеся в мой адрес. Я едва не отпрянул от неожиданности. Но усилием воли сдержался и лишь резко выпрямился, чтобы открыто глянуть в глаза обвинительницы.

Слух не подвел меня. Звонкий женский голос, с неповторимым акцентом произносивший немецкие слова, принадлежал спасенной вчера Сюзон де Сен-Венан. Одета в вызывающе скромное среди разноцветья блистающего празднества темное платье, она была живым воплощением Эринии,⁹ готовой метнуть в намеченную жертву испепеляющую молнию праведного гнева.

– Сударыня, – я стоял прямо, точно громоотвод, бестрепетно готовый принять натиск стихии, – мне неудобно напоминать, что вчера я и мой секретарь спасли вам жизнь. Теперь же мне с горечью приходится согласиться с утверждением древних, что ни одно благодеяние не остается безнаказанным.

– Вы лжец! – не унималась безутешная вдова, и в морской синеве ее глаз собирались валы сокрушительного цунами.

– О, простите, любезнейший граф. Простите, мадам так огорчена, что, вероятно, не в себе. – Появившийся рядом с разъяренной француженкой полицей-президент мягко взял под локоть разбушевавшуюся гостью и заговорил ей что-то тихо и увещающе, затем, прервавшись, обернулся ко мне. – Надеюсь, ваше сиятельство не откажетесь завтра ближе к вечеру встретиться со мной и побеседовать о злоключениях, преследующих вас последние дни?

– Когда вам будем угодно, – склонил голову я.

– Вот и прекрасно, – округлое с обвисшими щеками лицо полицей-президента расплылось в улыбке, – тогда завтра перед вечерей я жду вас у себя. Умоляю, простите мадам де Сен-Венан, бедняжка так страдает. А сейчас позвольте откланяться, и поверьте – бал просто замечателен.

– Это уж точно, – пробормотал я себе под нос, глядя вслед удаляющейся паре. На секунду мне показалось, что у выхода из зала среди прочих незнакомых лиц мелькнула носатая физиономия Йогана Протвица, а может быть, я и ошибся.

– Кто эта дама, любезный граф? – Голос Екатерины Павловны звучал удивленно и заинтересованно, отвлекая меня от тяжелых мыслей. Обращенные ко мне слова помешали разглядеть, действительно ли въедливый сыщик околачивался в особняке, или же то было лишь видение. Перегруженное событиями подсознание порой готово на весьма странные штуки. – Я сгораю от любопытства. Неужели же мадам – вдова одного из разбойников?

– Увы, нет, – печально вымолвил я. – Вынужден признать, что это та самая дама, чью жизнь мы вчера защищали с оружием в руках.

– А нынче она яростно обвиняет вас в убийстве... уж не одного ли из тех, кто ей угрожал?

– Мне трудно судить, что взбрело ей в голову, однако, сказать по чести, слова этой несчастной весьма огорчили меня. Позвольте мне сейчас оставить вас. Если пожелаете, я бы с

⁸ умеренно быстро (*лат.*).

⁹ Богиня мщения.

радостью завтра нанес ответный визит, дабы исправить свою нынешнюю бестактность и, быть может, изменить к лучшему ваше мнение обо мне.

– Откуда вы знаете, милый граф, каково мое мнение? Впрочем, отчего же, – она испытующе-насмешливо поглядела из-под длинных ресниц, – жду вас перед вечерей.

– Но...

– Или в этот час, или никогда!

Я галантно склонился в поклоне, оставляя при себе все, что мог сказать по поводу очаровательных женских капризов, и спеша вернуться к прямым обязанностям хозяина бала.

– Алле, Капитан, ты там еще донжуанствуешь? – Голос Лиса, раздавшийся в голове, отвлек меня от грустных раздумий.

– Какой там, – отозвался я, – тут все непросто.

– Но мы ж не ищем легких путей! – В тоне моего друга не слышалось обычной скрытой издевки. – А скажи мне, будь добр, шо за светлая **мысль** была пригласить на бал сыскаря?

– Ты имеешь в виду полицей-президента? – насторожился я.

– И он здесь? – Лис явно был возмущен. – Не, ну это не бал, это облава на базаре!

– Полицей-президент – заметная фигура в столице, я не мог вычеркнуть его из списка, тем более составленного резидентом.

– Ага, спасибо **нашему** Елипали.

– Кому? – переспросил я.

– Ну, этому, Палиоли. Получается, таксоида тоже он пригласил?

– Протвища? – уточнил я, удивляясь, что помню фамилию докучливой ищейки.

– Его самого, – подтвердил раздраженный напарник.

– Значит, не показалось. Должно быть, этого привел сам господин полицей-президент.

– Да уж, не показалось. Теперь сей мерзкий Противец торчит у меня за плечом и смотрит в карты, точно сова на картинную галерею. Между прочим, сдается мне, он глазливый – масть не прет, хоть ишурки закладывай.

Я усмехнулся ехидной оговорке Лиса, превратившей фамилию сыщика в производную от слова «противный».

– Это еще что! Его высокопревосходительство, кроме своей таксы, изволил привести мадам Сюзон, и та закатила здесь скандал прямо на глазах у княгини Багратион.

– Не врубился, ей-то что нейметса? Я ж был не пьяный, я все помню! Она сама захотела сменять тебя на этот бурдюк в эполетах. То есть я не твои эполеты имею в виду...

– Надеюсь, что так, – оскорбленным тоном констатировал я. – Насчет же мадам Сюзон – очень похоже, что она втемяшила себе в голову, будто это мы убили ее мужа.

– С чего бы вдруг? – удивился Лис.

– Пока не знаю, но, кажется, господин полицей-президент ей верит.

– Ну, это как здрасьте. Красавицы не врут, это просто истина рядом не ночевала с их словами. Шо ж ты думаешь делать с этим пасьянсом?

– Пока не знаю. Завтра в районе пяти часов меня будут ждать у господина полицей-президента.

– Ну, без проблем, сходишь, пообщаешься. Видал рекламу: бритва «Жиллетт» в одно касание уберет любой пушок с вашего рыльца!

– Беда в другом – что на это же время я зван к Екатерине Павловне. И она, должно быть, начитавшись баллад Жуковского, желает устроить мне испытание рыцарской доблести. Так что либо к ней, либо, в тот же час, к их высокопревосходительству. Вот такая комбинация.

– Ежели я не путаю, то Жуковский еще только первые стишки кропает, но то, шо все бабы стервы, это точно, – со вздохом знатока заверил меня напарник.

– Лис, – не желая дальше развивать тему, продолжил я, – скажи лучше, ты выяснил, что за беспардонный кавалер мозолил глаза прелестной Катрин?

– Все выяснил, – бойко отрапортовал Сергей. – Хлипковат клиент. После третьего наката уже в размазню пошел. Короче, зовут его Густав, тоже финансист, как наш резидент. И тоже с недавних пор барон, что роднит его с грандполищем. А кроме того, он уже битый час поет мне о стервозности всех его знакомых баб, и тут я с ним не могу не согласиться.

– А более конкретно?

– Про дамеё-с?

– Про векселя Екатерины Павловны Багратион, в девичестве Скавронской, которые сей финансист скупил все до единого.

– А-а, так не честно, ты уже все знаешь, – разочарованно протянул Лис.

– Только в самых общих чертах, – успокоил я друга.

– А тут все черты были общие, буквально по всей Вене растыканы, – сообщил Лис. – Пока их этот толстый бобер не прикупил на вес. А так ни дать ни взять – ударник капиталистического труда. Деловой человек, весь свой ненормированный рабочий день мозолистыми руками заколачивает деньгу, времени на серенады и променады не имеет, поэтому рубит по-простому. Ежели кто ему понравился, он нехило бабляет, ставит красотку на прикол и ездит к ней со всякими бруликами, соболями и прочими милыми безделушками. Все бесхитростно и очень по-немецки.

Так вот живет он себе в полном шоколаде, но тут на несчастную австрийскую голову откуда ни возьмись обрушивается наша замечательная мадам. У финансиста отваливается челюсть, он начинает захлебываться слюной и бредет к ней на мягких лапах, предлагая финансовое покровительство. Екатерина Павловна, воспитанная при императорском дворе, решает, что нос банкира неприлично короток, и начинает его натягивать.

Брулики и подарки она с милой улыбкой принимает, во всем же остальном – «я не такая, я жду трамвая». При этом долги ее светлости растут со скоростью необычайной, так что изнемогающий от страсти барон решает нанести ответный удар. Он скупает векселя и предлагает: либо в койку ко мне, либо на нары в долговую тюрьму. В этот роковой час ты застигаешь его у ног прелестницы, и вы с ней уноситесь в ритме вальса, оставив бедного Густава в печальном неведении, каков же будет ответ.

– Ответ будет «нет», – гордо отчеканил я. – Завтра же мы выкупим векселя у этого баронишки.

– Капитан, не суетись, там долгов на семьдесят тысяч с гаком. Ты шо, полагаешь, командование одобрит такой скромный букет для первого свидания?

– Принцы, князья и графы Турн – одно из богатейших семейств Европы, и я не вижу, почему бы одному из его представителей не потратить с пользой для дела какие-то ничтожные семьдесят—восемьдесят тысяч.

– Ну, ты главный, тебе видней, – настороженно отозвался не склонный к расточительности Сергей. – Но ты еще мозгами покопоти, может, более дешевый вариант охмурежа найдется?

– Здесь и думать нечего. Случай прекрасный, и упускать его не стоит.

– Ты – начальник, я – дурак, – обреченно вздохнул Лис. – О, ты гляди, такса ушла, и сразу карта поёрла. Господа, не хотелось бы вас огорчать, но у меня флеш-рояль!

Бал догорал, и в предрассветных сумерках утомленные забавами гости разъезжались, нахваливая прием, замечательную кухню, прекрасный фейерверк и, конечно же, танцы, блестяще устроенные великим мастером котильона мсье де Мобленом. Сам распорядитель танцев с неизъяснимой изысканностью склонялся в прощальном безукоризненно аристократич-

ном поклоне, секрет которого ему, должно быть, передали еще в детстве, а потому, сколько ни пытайся, повторить это незамысловатое движение с той же элегантностью и грацией все равно не удалось бы.

– Мсье, – выпроводив последнего гостя, танцмейстер приблизился ко мне, – надеюсь, вы остались довольны?

– О да, маркиз, ваше искусство выше любых похвал.

– Вы позволите задать вам один вопрос?

– Конечно, все что угодно.

– Нынче в зале я видел одну даму. Она была в трауре и, кажется, наговорила вам неприятных вещей.

– Признаюсь, да, – выдохнул я. – Вам она знакома? Впрочем, чему удивляться, вы же земляки. Ее муж был лейтенантом полка швейцарских гвардейцев. Скорее всего вы действительно могли видеть мадам де Сен-Венан в Версале.

– Мне и правда довелось знать младшего лейтенанта фузелёрной роты четвертого батальона Огюста Луи де Форестье де Сен-Венана. Но в те времена он еще не был женат, хотя, помнится, слыл прекрасным кавалером и замечательным танцором. Но эту даму я видел спустя пять лет после смерти нашего несчастного короля и при совсем других обстоятельствах. – Де Моблен поднял руку, точно утирая слезу, и продолжил с печалью в голосе: – Впрочем, к чему я занимаю ваше драгоценное время своими пустыми воспоминаниями? Если вы больше ничего не желаете, я рад засвидетельствовать свое глубочайшее почтение...

– О, нет-нет, к чему торопиться? Я не спешу и с удовольствием вас послушаю. Не желаете ли выпить по бокалу вина за наше знакомство?

– Отчего ж, – маркиз неожиданно улыбнулся с тем неистребимым галльским задором, который позволяет сохранять юность даже весьма почтенным жителям Парижа, – с радостью!

* * *

– ... Таким образом, мне чудом удалось избежать гильотины, хотя вся вина моя состояла лишь в том, что в XIII веке доблестный рыцарь Шарль де Бетрам храбро сражался под знаменами Людовика Святого против сарацин и добровольно остался при короле в часы его плена. Теперь же за преданность и отвагу первого маркиза де Моблена пришлось расплачиваться мне, его потомку.

Но мир не без добрых людей, я нашел себе место учителя танцев в доме одного известного депутата конвента от департамента... Впрочем, к чему такие детали? Я преподавал свое искусство дочерям этого бывшего адвоката и был бы счастлив, если бы каждый день не дрожал за свою жизнь. Быть может, вам, суровому воину, это покажется трусостью, но я не мог подобно многим юным кавалерам моего звания ходить по улицам Парижа, выбрив затылок, чтобы подчеркнуть собственную родовитость и презрение к гильотине.

Я боюсь смерти, вернее, не ее самой, ибо, как это ни грустно, но она – заведомый конец человеческого бытия. Я боюсь, что какие-то грязные, пропахшие чесноком и потом мужланы с гавкающим смехом потащат меня по мостовой, точно ватную куклу, и повесят на фонаре. Я видел, как вспарывают животы прекрасным женщинам эти ревнители свободы, равенства и братства. Я видел, как упала в плетеную корзину голова короля Людовика.

Горькая ирония судьбы! Его величество потратил немало золота для того, чтобы помочь обрести свободу мятежникам по ту сторону океана. И все это лишь затем, чтобы проникшиеся их зловерными идеями его собственные подданные обезглавили своего короля посреди улюлюкающей толпы!

Я хотел жить, и мой депутат обещал в этом помочь. Надо отдать ему должное, он не обманул. Этот почтенный господин рекомендовал меня рисовальщиком – я, видите ли, недурно

рисую – в штаб бригадного генерала Дезе, направлявшегося в Рейнскую армию. По секрету вам скажу, этот генерал сам происходит из хорошего дворянского рода, а потому снисходительно отнесся к моим страхам и желанию покинуть дорогую моему сердцу Францию. Во время боев мсье Дезе против эрцгерцога Карла мне удалось бежать... И вот я здесь.

– Да-а, – протянул я, – печальная и поучительная история. Но мы отклонились в сторону от рассказа о госпоже де Сен-Венан.

– Простите старика! Я вечно начинаю говорить об одном, потом вязну в никому не нужных подробностях... Так вот, мсье граф, когда Шарль Антуан Дезе отправлялся из Парижа к войскам, проводить его пришла юная дама, которую молодой генерал, а ему, представьте, в то время не было и тридцати, называл своей невестой.

– Вы что же, хотите сказать, что моя сегодняшняя гостя и была той самой невестой генерала Дезе?

– Именно так, – без малейшего сомнения в голосе подтвердил де Моблен, – вот только звали ее не Сюзон.

– А как?

– Увы! – Маркиз развел руками, – Не могу вспомнить. Но Сюзон звали мою бедную жену, которую подняли на штыки какие-то парижские волонтеры лишь за то, что она была воспитательницей дофина.

– Примите мои соболезнования, маркиз. Но, быть может, вы перепутали госпожу де Сен-Венан с какой-нибудь другой девушкой, ведь прошло столько лет.

– Да, почти девять лет. С той поры, как я видел эту госпожу первый и единственный раз. Но... Вы позволите? – Маркиз подошел к письменному столу и, взяв лежащий в стопке лист чистой бумаги, обмакнул перо в чернильницу. Пауза в разговоре затянулась минут на десять, может, чуть более того. – Вот поглядите.

Де Моблен протянул мне изящный набросок, недвусмысленно свидетельствовавший о великолепной художественной одаренности танцмейстера. С листа на меня глядела Сюзон, но только несколькими годами помладше и в платье античного покроя, какие были в моде в первые годы после французской революции.

– Не правда ли, похожа?

– М-да, – качая головой, подтвердил я, – одно лицо. Что ж, остается предположить, что свадьба могла не состояться или генерал погиб, оставив ее вдовой. Что же касается имени, возможно, Сюзон – лишь одно из тех, которые носит эта дама.

– Может быть, и так, – с милой улыбкой кивнул маркиз, – в жизни всякое случается.

– *Капитан, где тебя носит?* – Лис, судя по голосу, был в приподнятом настроении и спешил поделиться своей радостью. – *Я тут выиграл полторы штуки в свободно конвертируемой валюте, и если бы за моей спиной полвечера не торчал полицейский бобик, я бы здесьнее общество еще на столько же раскулачил. А твои успехи как?*

– *Да вот сиюзу в кабинете, беседую с господином танцмейстером. Оказывается, в прежние годы ему доводилось видеть нашу госпожу Сюзон Дювиль.*

– *И чего?* – заинтересованно спросил Сергей.

– *А то, что очень может быть, что эта госпожа не только не Дювиль, но и не Сюзон.*

Ночь, которая, как известно, есть промежуток между отходом ко сну и пробуждением, вне зависимости от того, на какую часть суток она выпадает, была по-летнему коротка, но прошла сравнительно тихо, во всяком случае, без пальбы. Мне снились санкюлоты,¹⁰ танцующие на развалинах Бастилии, и маленький корсиканский лейтенант, с ужасом наблюдающий разгул национального самосознания. Утро внезапно наступило около полудня после настойчивого

¹⁰ Короткоштаннные – прозвище участников французской революции.

сообщения Лиса, что в то время, как я бесстыдно дрыхну, враг не спит. Возможно, это было правдой, но и в этом случае я был готов еще не один час изматывать врага бессонницей.

– Короче, – едва дав мне открыть глаза, распорядился Лис, – я уже добазарился с шефом, он выделяет бабло на твои лямуры. Но лично я по-прежнему терзаюсь сомнениями, потому как, пойми меня правильно, старина Густав стоит далеко не в первом миллионе людей, которым я вот так, за здорово живешь, выдам семьдесят штук, причем не ассигнациями, которые сейчас только ленивый не печатает, а полноценным рыжьем.

– Ты имеешь в виду золото? – уточнил я.

– Ответ распадается на две части, – не унимался Лис. – Часть первая: я имею в виду золото; и часть вторая: я сильно имею в виду барона Густава фон Дрейнгофа. В общем, я тут еще покумекаю, как все лучше обставить, а тебе, насколько я помню, уже пора заниматься высокой политикой.

– Лис, какая политика? – попытался было возмутиться я. – Еще только полдень. Даже и полудня нет, а у меня встреча с княгиней и полицией-президентом в пять часов.

– Да ну, не рви душу. Это шо ж, я буду на мозгах фурункул наживать, а ты массу топить? Вон ты уже подушку почти насквозь пролежал. Вставай, отечество в опасности!

Когда на Лиса находит желание повредничать, его не истребить ни дустом, ни керосином. Противиться ему можно долго, но безуспешно, а потому, неохотно расставаясь с мечтой выспаться перед ответственными встречами, я через силу поднялся и оглядел спальню, ища место для разминки. Удивительно, как законодатели мод умудряются захлать любое пространство великим множеством громоздкой мебели и никому не нужных изящных безделушек, которые так легко снести, разминаясь и отрабатывая технику бросков и ударов.

– В общем, жду тебя в фехтовальном зале, – с удовлетворением оценив плоды своей антигуманной деятельности, заявил Лис. – Что ваше сиятельство предпочитает в это время суток? Шпагу? Рапиру? Саблю?

– Пожалуй, возьмем сабли.

– Прикинь, – клинок моего друга описал замысловатую кривую и, начав путь из-за головы, блеснул острием у моего бедра, – нарыл здесь, в Вене, замечательную кофейню. Называется «Большой кофе, сваренный по-кульчицки».

– Наверно, кофе, – поправил я, парируя удар и перебрасывая саблю Лиса по широкой дуге влево от себя.

– Да один хрен. – Лис, уловив начало моей атаки, разорвал дистанцию и тут же резко сократил ее, пытаясь выхлестом достать меня из-под руки. – Главное, кофе там варят толково. И врубись, – сабля моего напарника рассекла воздух в паре сантиметров от моего лица, – этот самый Кульчицкий – он, оказывается, вообще первый начал готовить венский кофе.

– Я знаю, – вскользь нанося удар по обуху клинка, сообщил я.

– А то, шо он был из наших, из Хохляндии, тебе известно?

Честно говоря, мне это было известно, хотя я не придавал этому факту особого значения. Действительно, около ста двадцати лет назад, когда Вена была взята в осаду турецким визирем Кари-Мустафой, дворянин из Галиции Юрий Франц Кульчицкий смог пробраться через турецкие позиции и доставить слезный крик горожан о помощи императору Леопольду.

Объединенная армия императора, герцога Лотарингского и короля Польши Яна Собеского подоспела вовремя. Турки бежали, оставив победителям лагерь и обоз. Подвиг храброго галичанина был оценен по достоинству, и ему щедро разрешили взять себе триста мешков темно-коричневых зерен, с которыми все равно никто не знал, что делать.

До того дня этот продукт нечасто попадал в Европу, да и то использовался лишь в медицинских целях. Но побывавший в турецком плену Кульчицкий, вероятно, технологию приготовления этого напитка, способного вернуть к жизни после бессонной ночи, освоил виртуозно.

Он лишь начал добавлять в кофе сахар, а затем, потакая вкусам покупателя, и молоко. Именно с этого началось знакомство Европы с кофе вообще и с кофе по-венски в частности.

– Не, ну прикинь, подфартило мужику! Это ж триста мешков, ежели перевести в килограммы, где-то под полторы тонны выходит! Замотришься кофемолку ворочать.

Мой клинок скользнул по сильной части сабли Лиса и, щелчком отбросив оружие в сторону, коснулся острием плеча фехтовальщика.

– Туше! – чуть обиженно произнес я. – Ты чего замер?

– Капитан, – глаза Лиса были подернуты легкой дымкой, свидетельствовавшей о происходящих в мозгу напряженных подсчетах вероятной прибыли, – я, кажется, придумал. Заканчиваем тренировку, мне еще надо слегонца порукодельничать.

– Что ты затеял? – с недоверием спросил я, отчетливо представляя себе, какой криминальный талант гибнет втуне из-за строгостей институтского начальства.

– Пока говорить рано, по ходу действия я буду задавать тебе наводящие вопросы.

– Ли-и-ис?!

– Ни о чем не волнуйся, это будет четыреста первый сравнительно честный способ отъема денег у населения. Пещера Али-Бабы и в то же время лампа Аладдина, совмещенная с шарманкой папы Карло. Кстати, тут поутру ходил шарманщик, или мне показалось?

– У меня по спальне он точно не ходил! – возмутился я.

– Ладно, тогда я пошел искать шарманщика. Можешь ни о чем не беспокоиться, сегодня ты будешь принцем на свежепобеленном коне, так что можешь смело вбить гвоздь для скальпа бедного, впрочем, еще не бедного, но вскоре обеднеющего старины Густава над кроватью госпожи Багратион. Ты уж будь добр, с Елипали свяжись и скажи, что мне нужно тыщ сто до завтрашнего утра.

Сергей вложил саблю в стойку и, насвистывая под нос «Какое небо голубое...», размашистым шагом устремился прочь из залы.

Институтская техника может очень многое, но даже она при всей своей изощренности не способна обеспечить присутствие оперативника в двух отстоящих друг от друга местах одновременно. А потому, резонно предположив, что визит к Екатерине Павловне нужен мне, а посещение полицей-президента выгодно защитнику угнетенной мадам де Сен-Венан, я решил свалить откровенного дурака и неожиданно-негаданно завалиться к его высокопревосходительству значительно ранее указанного времени. В конце концов, мог же я среди шумного бала случайно перепутать час назначенного свидания и время допроса? Опять же, провинциальный граф в столице – как тут голове не пойти кругом?

Как я втайне и надеялся, господина полицей-президента в особняке не оказалось, он изволил инспектировать невесть кого невесть где. Я, изобразив на лице огорченную мину, пообещал, быть может, заехать вечером, когда откуда ни возьмись точно чертик из табакерки рядом со мной возник Йоган Протвиц. Потягивая воздух своим длинным носом, он попытался любезно улыбнуться, однако любезность явно не была в числе его привычных гримас.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, но мне кажется, вы были званы на более позднее время.

– Да? – удивленно переспросил я. – Разве? Я точно помню, что его высокопревосходительство звал меня после обедни.

– О нет, увы! – Таксид развел коротенькими руками. – Но если бы вы были столь любезны и согласились ответить на мои вопросы...

– Отчего нет? – после некоторой паузы кивнул я, пожимая плечами. – В конце концов, не думаю, что мой друг господин полицей-президент позволит своим людям задавать мне некорректные вопросы.

– Тогда пройдемте, у меня в этом доме есть небольшой кабинет.

«Однако этот Протвиц совсем не такая мелкая сошка, как представлялось вначале, – мелькнуло у меня в голове. – А я еще пугал его опалой! Что ж, послушаем, что он спросит».

– Скажите, ваше сиятельство, – усевшись за стол, обложенный ровными стопками исписанных листов и канцелярских папок, начал сыщик, – при каких условиях вы познакомились с госпожой де Сен-Венан и ее покойным мужем.

– По дороге, на постоялом дворе, – небрежно бросил я. – У них сломалось ландо, я предложил довести господина и госпожу Дювиль, как они себя тогда называли, до Вены. У мужа бедняжки Сюзон был замечательный парижский выговор, и я желал попрактиковаться во французском.

– Может быть, может быть, – как-то не в тему заметил Протвиц. – Но в момент нападения вас не было в карете.

– Мне бы не хотелось останавливаться на этом моменте, – кривясь точно от кастровых капель, заметил я.

– И всё же, граф?

– Увы, мне грустно об этом вспоминать, но мсье де Сен-Венан был отъявленный ревнивец. Ему почудилось, будто я заигрываю с его женой. Он устроил скандал, и мы с секретарем были вынуждены, чтобы не раздувать ссоры и сберечь честь дамы, отправиться в столицу верхом.

– Очень хорошее объяснение, – мелко закивал сыщик. – Главное, оно почти совпадает с тем, что говорит мадам де Сен-Венан.

– Ну конечно же! – заслоняя рот ладонью, чтобы скрыть зевоту, согласился я.

– Вот только она утверждает, что это вы спровоцировали скандал своими весьма недвусмысленными намеками.

– Я?!!

– Да-да, именно вы, – часто-часто закивал Протвиц. – Ну, предположим, госпожа вдова наговаривает. Может, ей почудилось. Она сейчас так расстроена, что вряд ли может полностью отвечать за свои слова. Но как объяснить, что едва вы покинули экипаж, как на него напали разбойники?

– Возможно, это лишь совпадение. – Я дернул плечом. – Засада была организована у подножия холма, там, где карета вынуждена замедлить ход. Кроме того, негодяи могли видеть, что мы разделились, и решили этим незамедлительно воспользоваться.

– Но как вы снова оказались на месте преступления?

– Очень просто. Услышали выстрелы и повернули коней.

– Весьма благородно. – Таксид взял из стопки исписанный лист и уперся в него взглядом. – А разбойники, должно быть, временно утратив зрение и слух, не заметили вашего приближения.

– Разбойники были заняты грабежом и потому не успели схватиться за оружие, когда мы атаковали их на галопе. Всякий уважающий себя дворянин и офицер поступил бы так же. Но кажется, сударь, вы меня в чем-то подозреваете?

– Вас подозревает мадам де Сен-Венан, а я лишь веду это непростое дело. И, согласитесь, в нем есть странности.

– Не вижу ни одной!

– Вы утверждаете, что уничтожили бандитов и спасли несчастную даму. Однако на следующее утро в вашем доме обнаруживается один из пистолетов ее мужа.

– Я мог бы сказать, что захватил его на память, скажем, в качестве трофея, и знать не знал, кому он принадлежит, но все значительно проще. Одному из разбойников, орудовавших у кареты, удалось скрыться. Должно быть, вернувшись до приезда жандармов, он и прихватил этот весьма дорогой и прекрасного качества пистолет.

– Вы хотите сказать, что разбойник, промышлявший в лесу, и вор, забравшийся в ваш дом, – одно и то же лицо?

– Возможно. – Я недоуменно поднял брови. – Хотя грабитель мог продать пистолет или обменять на что-нибудь.

– Еще одно совпадение. Вернее, даже два. Ваш лесной негодяй продает оружие городскому вору, и тот идет именно с ним и именно в ваш дом. Причем именно в тот день, вернее, ночь, когда произошло злодейское убийство на дороге. Когда же полиция обнаруживает труп, при нем нет ни оружия, ни орудий взлома, ни награбленного, ни вообще чего-либо, что бы указывало на преступные замыслы несчастного.

При этом вы говорите, будто из дома пропали некие бумаги личного свойства, отказываясь обнародовать их содержание. Мадам де Сен-Венан также утверждает, будто и у нее пропали бумаги. Правда, совсем иного толка. Но тем не менее на моей памяти, а я уже скоро двадцать лет служу в полиции, это первый случай, когда наших безыскусных преступников, радующихся золотым монетам и серебряным подсвечникам, вдруг всех до одного начинают интересоваться какие-то бумаги. Поймите меня правильно, граф, я не желаю вас обвинять, но мне бы хотелось услышать внятные и исчерпывающие ответы на все интересующие меня вопросы.

Глава 7

*Порой из дурных качеств складываются великие таланты.
Франсуа де Ларошфуко*

Протвиц неспешно встал из-за стола и, сложив в замок руки, громко хрустнул пальцами. Должно быть, в этот момент он с наслаждением предвкушал, как будет искать спасения в уловках и неумелой лжи попавшийся в силки аристократ. По всей видимости, ему, всю жизнь проведенному в тесном полицейском мундире и лишь благодаря этому выбившемуся из самых низов, отчаянно хотелось заставить ползать на коленях потомка одного из знатнейших родов Европы.

– Что за бессмыслицу вы городите? Пистолеты, бандиты! – возмутился я. – Стоило мне согласиться помочь вам разобраться в деле, к которому я действительно имею касательство, как вы здесь вывалили три короба ерунды, пытаясь возложить на меня вину за вашу собственную неумелость. Это вы, милостивый государь, – мой голос обрел металлическую жесткость, – должны мне ответить, кто и почему охотится на меня и госпожу де Сен-Венан? Почему преступники пытались бросить тень на мое имя? Вам не приходило в голову, что пистолет и вовсе хотели подбросить, тайно засунув в секретер, а мы лишь спугнули преступника, заставив его действовать по обстоятельствам?

– А как же пропавшие бумаги? – ядовито глядя на мое возмущенное лицо, тихо проговорил сыщик.

– Это были письма, частные письма! – возмутился я. – Содержание которых ни вам, ни ему не важно. Во всяком случае, полиции не должно быть никакого дела до того, что это за письма и от кого они. Но я не исключаю, что вор надеялся отыскать в них что-либо, позволяющее шантажировать меня.

– Все это как-то... очень сложно, – с сомнением покачал головой полицейский чиновник. – Венские преступники не склонны к чрезмерному мудрствованию. А уж рисковать головой, чтобы раздобыть какие-то письма, они и вовсе могут согласиться только в том случае, если будут доподлинно знать, что и где искать и насколько весомый куш принесет им такое опасное дело.

Под потолком кабинета дробно зазвенел колокольчик. Лицо Протвица моментально приобрело вид почтительно-благоговейный, так что у меня не оставалось сомнений, что вернувшийся полицейский-президент вызывает на ковер свою любимую ищейку.

– Прошу извинить меня, ваше сиятельство, я должен вас оставить на несколько минут. Полагаю, это вам даст время оценить обоснованность моих вопросов. – Он поклонился с подчеркнутой церемонностью и вышел из кабинета.

Я услышал, как щелкнул дверной замок, и лишь недоуменно развел руками. Должно быть, господин Йоган Протвиц в меру своего разумения полагал, что сделал тонкий психологический ход, заставив подследственного нервничать. Оглядевшись вокруг и с грустью убедившись, что, кроме сборников законодательных актов и заметок самого следователя, читать в кабинете нечего, я вызвал Лиса, спеша принести ему радостную весть о своем аресте.

– В чем проблемы, Капитан? – энергично отозвался Сергей.

– Представь себе, я под замком, – меланхолично сообщил я.

– Шо, честно? – искренне поразился Лис. – Ну, все как обычно! Не лорд, а какой-то Аль Капоне! По улице не пройдешь, чтобы не загреметь на нары. А с каких, позвольте узнать, бодунов?

– Протвиц решил, что мы с тобой опасные душегубы, охотящиеся за сокровищами богатых вдовушек. Вернее, сначала оставляющие их вдовушками, а затем охотящиеся за сокровищами, – безрадостно пояснил я.

– Он шо, натурально с мозгами в разводе? – возмутился Сергей.

– Не то чтобы совсем. Определенная логика в его размышлениях есть. Он припел к делу пистолет Сен-Венана и теперь пытается доказать, что я от большого ума прихватил с места преступления улику против себя. Так сказать, в качестве милого сувенира. Но это все ерунда! В конце концов, из тех фактов, которые у полиции имеются, как ты выражаешься, не то что дело, а даже безделицу не сошьешь. Но все же будь готов, если полиция вдруг решит и тебя зацепить.

– Всегда готов! – бойко отрапортовал Лис. – Я ж родом из страны, где отсутствие закона не освобождает от наказания. Хотя как раз сейчас момент ни в дугу, не в Красную Армию. Я здесь, понимаешь ли, изображаю из себя пикадора: трубы, барабаны, все понты... И тут – на тебе – гражданин начальник. Нарисовался, хрен сотрешь.

– погоди, – остановил я речевой поток друга, – что за пикадоры? Что за коррида?

– Ну, я бы скорее назвал это не корридой, а разведением быков на капусту, вернее, одного быка, но пикадор-то всамделишный. Все как водится: главная задача – довести рогатую тварь до изнеможения, затем появляешься ты, пара изящных движений, и роковая сталь единым махом заканчивает бессмысленную жизнь никчемной животины.

– Лис, – я насторожился, – я не собираюсь никого убивать.

– Да ну, это фигурально. – Лис прервался, не договорив фразу. – погоди, Капитан! Процесс, кажется, пошел. – Глаза моего напарника продемонстрировали кабинет Густава фон Дрейнгофа.

– О, нежданная встреча! – Барон устремился к моему другу, протягивая руку. – Рад снова видеть вас.

– А уж я-то как рад! – поспешил с ответом на приветствие Лис. – И не обскажешь.

– Что привело вас ко мне?

– Грубая проза, барон. Грубая, но жизненно важная. – Лис развалился в предложенном ему кресле, выставив вперед длинные мосластые ноги. – Не буду занимать ваше драгоценное время, скажу одно лишь слово: «деньги».

Взгляд финансиста, дотоле источавший любезность, закаменел, и глаза его стали напоминать два одинаковых дисплея микрокалькулятора.

– Вы желаете взять в долг? Для себя или для графа?

– Пустое, Густав, шо вы так напрягаетесь? Его сиятельство никогда не делает долгов, а я бы, может, и сделал, да граф категорически против.

– Тогда что же?

– Да мне тут знающие люди сказали, что вы недавно приобрели партию напрочь убитых векселей одной русской дамы. – Сергей жестом фокусника похлопал себя по оттопырившимся карманам. – Мне велено выкупить их у вас.

В голосе фон Дрейнгофа, поспешившего с ответом, слышалась настороженность:

– Могу я узнать, зачем они вам?

– Да уж, наверно, не затем, чтобы с их помощью красотку заарканить, – небрежно заметил Лис. – Мы-то с вами знаем, люди нашего круга на подобные вещи не способны.

– Тогда зачем же? – еще раз спросил барон, делая вид, что едкое замечание моего секретаря его вовсе не касается.

– Граф собирается по делам императора мотнуться в Россию, ему нужна крупная сумма наличными. Золотые червонцы его вполне устроят.

На лице финансового воротилы появилась чуть покровительственная усмешка.

– Вас, должно быть, ввели в заблуждение. У меня действительно есть векселя упомянутой вами дамы. Полагаю, речь идет о княгине Багратион. Но, во-первых, они не в рублях, а во-вторых, скажу вам по секрету, ни здесь, ни в России эта дама не имеет тех денег, которыми можно было бы оплатить ее долговые расписки. Это пишик, фикция!

– Прискорбнейший факт! – с напускной грустью вздохнул мой секретарь. – Буквально обнищание русской аристократии на фоне бурного экономического роста широких буржуазных масс. Но скажу вам, также по секрету, раз уж мы пошли обмениваться тайнами, для моего графа платежеспособность мадам Багратион имеет значение не большее, чем ноты для канарейки.

– То есть как? – смутился финансист, мозг которого отказывался понимать, как может не волновать кредитора платежеспособность должника.

– Видите ли, барон, если бы вы были потомственным Розенкрейцером тридцать третьего градуса по Фаренгейту, для вас бы не составляло труда исчислить адиабату амплитудногоклонения ирригации ноосферы в интервале корпускулярного метаморфизма. Но все дело в том, что это тайное знание доступно лишь немногим избранным, и не мне разъяснять вам сакральную суть специфических стагнаций санктोरума. Скажу лишь, что я готов заплатить вам за векселя княгини Багратион, ну, скажем, сорок тысяч крон прямо сейчас, не вставая из-за этого стола.

– Но у меня векселей на семьдесят тысяч! – почувствовав, что разговор от санкторумов и Розенкрейцеров вновь повернулся к деньгам, оживился Густав.

– Вот и замечательно! – прочувствованно заверил его мой напарник. – Но заметьте, что, в сущности, эти векселя стоят немного меньше, чем бумага, на которой они написаны. Вы, часом, не скажете, почему у вас нынче в опте фунт грязной бумаги?

– При помощи этих, как вы выразились, «грязных бумаг» я могу упечь ее светлость в долговую тюрьму, – резонно заметил ростовщик.

– Браво, господин барон! Еле сдерживаюсь, чтоб не сорваться на бурные аплодисменты, переходящие в овации! Какое ценное вложение макулатуры! – деланно восхитился Лис. – Да, вы действительно можете сделать такой узкий жест, это ваше святое и неотъемлемое право! Но давайте я навскидку озвучу вам ряд проблем, которые вы себе наживете, поступив таким образом. Во-первых, мадам Багратион – закадычная подружка эригерцогини. Они эшшо две плакучие ивы над голубым Дунаем. Соберутся, бывало, и тоскуют о покинутом отечестве. Конечно, эта тоска не заставит, – Лис ткнул пальцем в потолок, – Сами Знаете Кого оплатить чужие долги из своего кошелька, но я б даже на гроттен не поспорил, шо вы после этого тоже не будете стоять над голубым Дунаем, но уже вдалеке от Вены, и недобрый словом поминать отечество, покинувшее вас.

Дальше: такой антигуманный поступок по отношению к прекрасной даме закроет перед вами все двери в высшем свете. Я больше скажу, он их даже не закроет, он их забьет досками из железного дерева и подопрет осиновым колом, а дальше вы можете стучаться туда хоть кулаками, хоть ногами, хоть головой, но света, в смысле – большого света, вам не видать. Разве шо в конце туннеля.

И наконец, третье, но отнюдь не последнее по значению. Даже если когда-нибудь, под влиянием действия солнечных лучей на алкогольные пары, российское правительство, списавшись с австрийским двором, приложит усилия к освобождению княгини, вы свои деньги увидите, взирая на землю, надеюсь, с облаков, если увидите вообще: в России дела быстро не делаются. Такой вот неутешительный расклад, – со вздохом подытожил мой друг. – Я же вам предлагаю сорок, ну, сорок две тысячи крон немедленно, прямо здесь и наличными.

– Семьдесят тысяч, – жестко отрезал фон Дрейнгоф.

– Ага, и свисток от чайника в подарок от императора Поднебесной! Барон, вы меня с кем-то спутали, я не состою в благотворительном обществе Призрения Обезумевших Банк-

ротов. Если вдруг окажется завтрашним утром, что княгини вообще нет в Австрии, то вы своими векселями сможете разве что растапливать камин холодными зимними вечерами.

– Но вам-то они зачем? – вновь задал мучивший его вопрос финансист, похоже, не удовлетворенный рассказом о тридцать третьем градусе по Фаренгейту.

– Барон, мы же с вами деловые люди, – с легким раздражением в голосе проговорил Лис. – У меня есть действенный способ получить наличность по этим векселям, у вас его нет. И не будет никогда, кроме как здесь и сейчас. Я желаю сыграть на разнице ценных бумаг и их материального воплощения. Вы можете на них сыграть только в крестики-нолики. Сорок пять тысяч крон – и ни фартингом больше!

– Шестьдесят пять тысяч, – нехотя сбавил цену финансист.

– Ага, и китайскую тушь для крестиков и ноликов. Сорок пять – это последнее слово. Я чувствую, мое предложение вас не заинтересовало, – Сергей демонстративно положил руки на подлокотники, намереваясь встать, – поэтому не стесняйтесь, скажите громко: «Нет, эти бумаги дороги мне как память, я обклею ими сортир для улучшения процессов внутреннего сгорания внешних раздражителей», и мы расстанемся, полагаю, одинаково удовлетворенные сегодняшней встречей.

– **НО ВАМ-ТО ОНИ ЗАЧЕМ?!!** – с болью в сердце провозгласил финансист, едва не лопаюсь от любопытства.

– А, о, ы, у. С утра мне казалось, что с дикцией вроде бы никаких проблем нет. Я что, шепелявлю или слоги глотаю? Если так, прошу прощения, ваша милость, постараюсь произвести внятно. Мне нужны векселя, чтобы получить по ним деньги. Надеюсь, такой способ их применения не вызывает у вас внутреннего протеста? Я могу это сделать сегодня же. При этом Екатерина Павловна о том, что деньги взысканы, даже не узнает. Вы такого сделать не можете. И не сможете никогда. Так что есть два варианта развития сюжета: либо вы передаете мне долговые расписки за указанную сумму, либо нет. Я вижу, вы склонны ответить «нет», а потому не смею вас задерживать. – Лис поднялся.

– **Постойте!** – Уязвленный в самом святом финансист боролся с собой изо всех сил, и, похоже, поражение уже было близко. Его любовь к наживе была омрачена безысходной ревностью, ибо на расстоянии вытянутой руки от него существовал способ обогащения, о котором он не подозревал. И возможность вывести этот способ могла ускользнуть через считанные мгновения и исчезнуть, по всей видимости, безвозвратно. На одну чашу весов сейчас были поставлены тысячи крон, вероятно, иллюзорных, на другую – таинственный способ, в котором его собеседник был незыблемо уверен.

– **Хорошо,** – давась слюной от собственной щедрости, наконец простонал он, – я готов продать вам векселя за пятьдесят тысяч при условии, что вы продемонстрируете мне, каким образом получить реальные деньги из безвозвратных векселей.

Теперь, вероятно, наступила очередь арии Лиса. К сожалению, висевшее в кабинете зеркало оказалось сбоку, и потому я не мог оценить виртуозную мимику моего хитроумного напарника.

– Ах, Густав, Густав, – наконец вымолвил он, – на что вы меня толкаете! Буквально ж на растрату хозяйских средств к существованию! Ну да бог с ним! По рукам! Только, чур, вы накрываете поляну. В смысле – с вас обед. И главное, ни на шаг не отступайте от моих указаний, иначе... – Сергей обреченно махнул рукой, – хотя вам об этом лучше не знать.

Дверь за моей спиной открылась, и в нее было сунулся любопытный нос Протвица, затем физиономия сыщика исчезла, и в дверях показался сам полицай-президент, загораживая проход массивной фигурой. Повернувшись на звук открываемой двери, я придал лицу сонное выражение:

– Простите, я тут немного задремал. Сами понимаете, ночь вышла бессонной.

– О нет, это вы нас простите, – басистым соловьем залился полицейский начальник, – это ж надо было такое удумать! Оставить под замком графа Турна! Это все болван Протвиц. Он, знаете ли, видит преступника в каждом встречном. Пошел вон, дармод! Идемте скорее, идемте ко мне, любезный граф. И простите, ради Бога, беднягу Йогана, он дельный сыщик, но разумения ему порой не хватает, – полицей-президент открыл передо мной дверь своей гостиной, – однако ж вы и сами посудите, душа у Ганса ранимая, а госпожа де Сен-Венан отчего-то взяла себе в голову, что именно вы главный виновник ее невзгод.

– Поверьте, это не так, – устало покачал головой я.

– Ну конечно же, – с охотой подтвердил мой сановный допросчик, – как можно всерьез воспринимать подобные обвинения? Но, с другой стороны, посудите сами, масса нелепых совпадений, какие-то бумаги... Будь вы не граф Турн, можно было бы предположить, что дело здесь нечистое!

Я пожал плечами.

– По нелепому совпадению, когда я ехал сюда, мне встретились два десятка калек, которые просили милостыню у храма Святого Стефана. Примерно столько же было мною встречено вполне здоровых людей. Должен ли я делать вывод, что население Вены делится на калек и здоровых людей поровну?

– Забавно! – одними губами усмехнулся мой собеседник. – Но я очень прошу вас, помогите нам разобраться с этим запутанным делом.

– Все, что в моих силах.

– Тогда ответьте, что за бумаги были похищены из вашего кабинета?

– Я уже имел честь сообщить об этом Протвицу – это личные письма весьма важного для меня содержания.

– Письма от женщины?

– Какое это имеет значение?

– Вероятно, имеет значение, если я об этом спрашиваю, – с нажимом в голосе настаивал полицей-президент.

– Нет, это деловые письма, в которых говорится о шансах на успех некоего предприятия, которое затевает наш род.

– То есть вы хотите сказать, что ваши письма несли коммерческую информацию?

– Можно сказать и так.

– По странному совпадению бумаги госпожи де Сен-Венан тоже были коммерческого свойства.

– В Вене делаются большие деньги, – едва не зевая от скуки, прокомментировал я, – что в этом странного?

– Нет-нет, абсолютно ничего. И все же посудите сами, встреча на постоялом дворе, ссора в карете, ваш отъезд и немедленная засада, затем ваше возвращение – бедная женщина склонна думать, что вы подстерегали ее и мужа, затем навязали свою компанию и подстроили нападение.

– Чтобы затем перебить разбойников и спасти ее? Где логика?

– Вы бы могли... Впрочем, конечно, нет, не вы, но какой-нибудь негодяй на вашем месте мог нанять шайку бродяг для нападения, а затем хладнокровно отправить всех разбойников к праотцам, чтобы не делиться с ними добычей. – Осанистый вельможа остановился и впился недобрым взглядом в мои глаза. – Возможно, тот несчастный, который был убит вчера под утро, хотел отомстить за приятелей, а может быть, он был вашим – простите меня, граф, так считаю не я, а мадам де Сен-Венан, – помощником. Но вы пожелали разделаться с ним.

– М-да, чтение французских романов пагубно влияет на неокрепшие души, – вздохнул я. – Но должен вам заметить, что, если бы несчастный, застреленный вчера, пытался бежать

через окно после неудачного дележа добычи, ему бы пришлось выбить стекла, поскольку мы не имеем обыкновения в такую погоду держать окна настежь.

– Предположим, но это если он был вашим, простите, граф, помощником. А если он хотел отомстить?

– Тогда бы он вряд ли взял один пистолет.

– Быть может, быть может... – Мой визави задумчиво покачал головой.

– Простите, ваше превосходительство, мне жаль прерывать такую занимательную беседу, но если вы не возражаете, я вынужден откланяться, меня ждет дама.

– Да, конечно, – мило улыбнулся полицей-президент, – я прошу вас только об одном: без предварительного уведомления не покидайте столицу.

Княгиня Багратион встречала своего гостя, запахнувшись в длинное, почти до пят, одеяние, кажется, в угодую античной моде именуемое хленой. Из-под темного соболя, мягкими волнами облегающего формы красавицы, временами показывался тончайший батист голубой туники, лишь слегка прикрывавший тело ее светлости.

Что мудрить, мне всегда нравились фасоны этого времени, подчеркивающие женскую красоту и не пытающиеся запечатать ее в посылочный мешок, дабы уберечься от соблазнов. Соблазнов от этого меньше не становится, но вид бесполок существ, населяющих города в нашем мире, приводит в уныние. Однако холод есть холод, и потворствовать вкусам толпы в ущерб здоровью – дело не только глупое, но и опасное. Мне были известны имена юных очаровательниц, умерших от воспаления легких после бала в значительно более южном Париже. Что же говорить о здешних альпийских предгорьях? Попытка слепо угождать французской моде здесь – прямой путь на лодку Харона,¹¹ который тоже имеет прямое отношение к античности, но уж больно мрачное.

Впрочем, именитая северная красавица могла позволить себе причуды а-ля рюс и согреться драгоценными мехами вместо приличествующего муслинового шарфа. Это лишь добавляло хозяйке дома своеобразного шарма, как и ее колкая, порою до язвительности, речь.

– Вы так пунктуальны, граф, – с улыбкой встречая меня, заметила она. – Я бы могла, пожалуй, принять вас за англичанина.

Я чуть склонил голову, стараясь не демонстрировать предательской усмешки:

– Поверьте, княгиня, немцы тоже верные почитатели бога Хроноса.

– О да, но делают это с таким тевтонским напором, что это невольно пугает. Надеюсь, я не обижу вас, граф, если скажу, что лишь англичане точны обаятельно.

Обед располагал к беседе, а легкое вино, приятно оттеняющее вкус экзотических в это время года фруктов, создавало атмосферу дружеского уюта, давая исток неспешному разговору.

– ...И все же, граф, я ужасно любопытна. Признайтесь мне, что означала та вчерашняя сцена на балу, которой я была невольной свидетельницей.

– Увы, это престранная история, – начал я и в подробностях час за часом изложил и встречу в «Серебряной кружке», и все, происшедшее далее, упуская разве что моменты, касающиеся нашего задания... – Теперь же, как мне кажется, госпожа де Сен-Венан очаровала его высокопревосходительство, и он, не имея сил отыскать истинных виновников, вполне серьезно силится представить меня злодеем.

– Ах, мой бедный, бедный граф! Геройство в наше расчетливое время уступает рабскому трезвомыслию. Это примета времени, и с этим, к сожалению, ничего не поделаешь. Но что же вы намерены предпринять дальше?

¹¹ Перевозчик в страну мертвых.

Я брезгливо передернулся, точно вместо спелой груши на блюде передо мной сама собой образовалась бородавчатая жаба.

– Правда на моей стороне, мне нечего бояться. Хуже другое: если дело вдруг дойдет до суда, даже при самом благоприятном его исходе пятно на репутацию Турнов ляжет не на одно поколение. Всякий досужий болван станет болтать, что будто бы я ограбил несчастную, убил ее мужа, и сочинит еще сотни других нелепейших врак, на которые так охоче наше высшее общество.

– Вот ответ настоящего рыцаря, отважного в бою и такого беззащитного в салонах! – кокетливо улыбнулась гостеприимная хозяйка.

Я было сделал жест, чтобы отвести от себя незаслуженно горячее одобрение, но был остановлен деланно суровым выражением на личике княгини.

– Не смейте мне возражать, я знаю, что говорю. Недаром же мой отчим – главный рыцарь Европы, разумеется, после императора Павла. Ваша история действительно точно сошла со страниц очаровательного Кретъена де Труа. Если следовать хитросплетениям сюжета, то на помощь беззаветному храбрецу, попавшему в сети злой чародейки, должна явиться добрая фея. – Княгиня легко наклонила бокал, любуясь, как играет отблеск свечи в гранатово-алом вине. – Пожалуй, я бы могла хорошо справиться с этой ролью. Я бы увлекла вас на край света, туда, где у самой кромки вечных льдов точно по мановению волшебной палочки из холодных вод морских являются дворцы и парки, равных которым не сыскать даже здесь. Я бы привела вас в золотой чертог, где правит благороднейший ревнитель доблести и рыцарской чести, который бы по достоинству мог оценить столь храброго воина и учтивого кавалера. Но, увы, есть обстоятельства, которые удерживают меня на берегах замерзшего Дуная.

Я молча вздохнул, сочувствуя прекрасной даме, обремененной «неведомыми» обстоятельствами, и активизировал связь, чтобы выяснить, как обстоят дела второго благородного рыцаря, посвятившего часы досуга непримиримой борьбе со злым финансовым колдуном.

– ...*Барон, ради Бога, не снимайте повязки, все хорошо, я тут, я контролирую ситуацию. Так, слушайте меня внимательно. Три шага налево, три шага направо, шаг вперед и два назад... Капитан, что-то случилось?*

– *Да, в общем, ничего особенного. Мы беседуем с княгиней о творчестве Кретъена де Труа в приложении к современности.*

– *Кретъен, Кретъен... А, это тот Кретъен из свиты графа Шампанского, который постоянно доставал тебя расспросами о коронной отмазке старины Персиваля? Да-да, я помню, как ловкач Перси прогружал эсене, что ему нужна какая-то чаша или блюдо, ну, что-то там из посуды. Ну а щас-то чего нужно?*

– *Хотел узнать, как обстоят дела с векселями.*

– *Обстоятельно обстоят, не отключайся, сам увидишь,* – пообещал Лис.

– *Только ж ты не переусердствуй.*

– *Да все будет – зашибись! Как говаривал старина Калиостро, даже Господь Бог порою не прочь напустить туману... Густав, замрите. Если мы все сделали правильно, сейчас должна раздаться музыка сфер.*

Уж не знаю, как там должны были звучать сферы, но из Лисова зазеркалья послышался тихий звук шарманки, приправленный музыкальными спецэффектами, изобретенными моим ловким другом.

– *Ну, слава Отцу-создателю!* – с пафосом провозгласил Сергей, сдергивая непроницаемую черную повязку с глаз финансиста. – *Вот он, ковчег нерукотворный, святая святых страны Советов!*

В полумраке комнаты, драпированной черным бархатом, одна за другой словно по волшебству загорелись свечи, заставляя неофита, попавшего в храм Лисовых уловок, невольно вздрогнуть.

– *Ибо сказано*, – патетическим тоном продолжал Лис, – *когда звезды утреннего неба поют вместе, такой орбиты даже малой нет, которая не пела бы голосами ангелов. Пифагор не дожил, уж он бы, старик, порадовался!*

– *Что это?!* – завороченно глядя перед собой, спросил барон Дрейнгоф. И я бы на его месте, пожалуй, сделал то же самое.

Предмет, над изготовлением которого обещал поруководничать Лис, мог бы заставить вождя какого-нибудь туземного племени дать в обмен не только остатки золота, припрятанные в святилище, но даже зеркала, бусы и цветные тряпки, приобретенные у европейских колонизаторов ранее. Более всего странный агрегат напоминал смесь игрового автомата, именуемого «однорукий бандит», с гигантской кофемолкой. Но все это сооружение было разукрашено какими-то лейденскими банками, песочными часами, хронометрами, астролябиями – в общем, всем научно-прикладным инвентарем, до которого за столь короткий срок успел дотянуться Лис.

– *Что это?* – нараспев переспросил он. – *Вы слышали о графе Сен-Жермен?*

– *Да*, – тихо пролепетал Густав.

– *А шо тогда спрашиваете? Все ж перед вами! Обычайший индукторный деньгоприемник. Граф построил его еще полтора века назад по расчетам Пифагора, Евклида и Лобачевского.*

– *И он действует?* – заинтересованно осматривая замысловатую конструкцию, спросил финансист.

– *Если все делать правильно, то без сбоев.* – Сергей похлопал чудо концептуального искусства по циферблату часов, еще недавно красовавшихся на нашем камине. – *Так, последняя проверка. Значит, по пунктам: день сегодня субботний, Сатурн почти не виден, тени исчезают в полдень. Кажется, всё! А, вот еще – угол падения равен углу отражения. Как же без этого! В общем, давайте сюда бумаги и держите себя в руках. А лучше возьмитесь за вон ту штучку и, когда я суну векселя сюда и дерну пымпочку*, – Лис указал на прорезь в крышке огромной кофемолки, – *начинайте бешено вращать. Готовы? Поехали!*

До меня донесся хруст превращаемой в крошево бумаги. Между тем деловитый секретарь нашего сиятельства, напряженно шевеля губами, высекал молнии меж двух металлических шариков, переворачивал песочные часы и тихо шептал некую халдейскую тарабарщину:

– *Растворитесь, скрижали ноосферы! О, танкодром поливинил! Тебя, орфоэпика вселенной, призываю я вернуть то, что было обещано и запечатано. Удержи поводок Цербера, всегда идущего по следу, восстанови кислотно-щелочной баланс, не вызывая резонанса. Пи аш пять и пять! А-ой, а-ой, а-ой! Ну шо, барон*, – Лис победно глянул на клиента, – *переходим к водным процедурам? Несведущие щас обольются горячими слезами, сведущие – холодным потом ожидания! Вот эту ручку видишь? Опускай ее резко вниз.*

Зачарованный словами «чародея» финансист дернул ладонь однорукого бандита, и в тот же миг панель на нем опустилась, и в подставленный серебристый таз со звоном посыпались блестящие, точно прямо из под прессы, червонцы.

– *Во, ну надо же, опять получилось!* – прокомментировал Лис. – *Если хотите, пересчитайте для верности, хотя пока сбоев не было.*

Уж и не знаю, как там горячие слезы, но испарина, выступившая на лице финансиста, недвусмысленно говорила о том, что водные процедуры удались на славу.

– *Верите ли, Густав*, – между тем делился своими переживаниями Лис, – *каждый раз волнуясь: а вдруг не получится? Но пока, тьфу-тьфу, сен-жерменка не подводила. Я вот думаю, если сюда не векселя, а, скажем, акции совать, а затем оставлять их на ночь – может, он деньги с процентами отдавать будет?*

Однако последние слова моего друга не достигли сознания изумленного барона. Он сидел на корточках возле таза, сомнамбулически зачерпывая из него пригоршни монет и по одному сбрасывая червонцы обратно.

– *Эй, дорогуша, ты часом головой не подвинулся? А то тут, знаешь ли, животный магнетизм во все стороны так и брызжет.*

– *Но этого не может быть,* – с трудом выдавил финансист.

– *Граф бы с тобой не согласился.* – Лис бестрепетно подхватил посверкивающее сокровище из-под носа пребывающего в ступоре фон Дрейнгофа. – *Полагаю, и все семейство Турнов было бы с ним заодно. Ладно, тушим свечи, возвращаемся. На этой неделе большие делов не будет. Вот ведь тоже недоработка: ну почему такое ценное оборудование нельзя использовать каждый день? А наверняка ж Лобачевский с Пифагором...*

Следующая краткая, но емкая фраза ополоумевшего финансиста, вероятно, была музыкой для моего друга:

– *ПРОДАЙ!!!!*

– *Пифагора, что ли? Так он уже умер.* – Сергей мастерски изобразил недоумение на своем хитром лице.

– *Вот это!*

– *Да не-ет, ну как же... Капитан, дальше будет неинтересно. Пациент готов к ампутации моины, а об исходе операции я доложу тебе позже. Привет от меня княгине, хотя нет, щас я этого меланхолика выставлю и сам с приветом явлюсь... Барон, как же я могу это продать, если оно стоит несусветных денег?*

Глава 8

*Пытаясь стать хозяином положения, многие делают его
чрезвычайным.*
А. Лебедь

Мое вечернее рандеву с очаровательной княгиней продолжалось. Она не принадлежала к той категории кокеток, готовых привлечь всякого из одной лишь досужей страсти к обольщению. Наделенная живым, острым, но, пожалуй, несколько романтичным умом Екатерина Павловна желала видеть во мне героя среди серых, несмотря на румяна, светских лиц.

Я был экзотичен для нее, как заморский попугай, обладающий связной речью, но чем более ее светлость принимала участие в моих делах, тем более привязывалась к объекту своих благодеяний. Правда, таковые имелись еще лишь в воображении княгини, но подобно многим дамам она полагала действие если не свершившимся, то, уж во всяком случае, свершающимся лишь потому, что оно пришло ей в голову.

Сейчас, проникнувшись идеей доставить меня в Россию, княгиня с жаром расписывала прелести российского двора и выгоды службы у венценосного рыцаря. Пожалуй, не планируя я перебраться в Россию, и тогда б непременно задумался о словах вдохновенной русской вербовщицы. Но в тот момент, когда я уже выстроил в уме цветистую фразу о готовности сопроводить ее светлость, куда ей только заблагорассудится, затянутый в роскошную ливрею осанистый лакей доложил о прибытии кавалера Сергея Лиса. Вслед за церемонным слугой, придерживая дверь носком сапога, ввалился мой секретарь, торжественно держа в руках фарфоровую супницу, расписанную сценами королевской охоты на оленей.

– Ваша светлость, – стараясь придерживаться этикета, выпалил Сергей, – мой друг, который сейчас сидит перед вами, попросил доставить сюда вот эту посудину, шо я с радостью и делаю. – Он водрузил свою ношу на столик, едва не сбросив на пол блюдо с фруктами. – Вот! Получите и распишитесь.

– Что это? – внимательно рассматривая произведение севрских мастеров, озадаченно спросила Екатерина Павловна.

– Я так подозреваю, шо супница, – задумчиво обходя восточного стиля палисандровый столик, сообщил о плодах наблюдений Лис. – Не, ну, в принципе туда можно и щи наливать или, там, борщ... Да разве ж тут борщеца наварят?

– Вы принесли мне борщ? – удивилась княгиня Багратион. – Граф, что все это означает?

– Да так, – пожал плечами я, – небольшой сюрприз. Впрочем, вы можете увидеть все сами.

– Однако это странно. – Заинтригованная Екатерина Павловна чуть опасливо приподняла крышку супницы. – Но тут какая-то резаная бумага!

– Что такое вы говорите? – деланно изумился мой секретарь. – Ваша светлость, что за кошунство? Это не резаная бумага, это резаная ценная бумага! Вернее, бумаги. – Не спросясь, он запустил в супницу пятерню и выгреб оттуда искромсанные клочья своей добычи. – Нешто не узнаете?

Екатерина Павловна, обмерев, впиалась немигающим взглядом в обрывки, на которых виднелись кусочки букв, иногда даже половинки слов.

– Неужто... Неужто это мои векселя?

– Ну, с точки зрения вульгарного материализма, – радуясь случаю покрасоваться, глубокомысленно заговорил Лис, – я бы счел этот факт несомненным. Но с другой стороны, придерживая концепцию старины Декарта, как не подвергнуть сомнению ваш, княгиня, скоропалительный вывод? Да сунься я с этим конфетти к любому банкиру, он бы весьма удивился моему заявлению, что перед ним векселя, да еще на семьдесят тысяч крон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.